

16+

Станислав Кушарский

Матушкин день,

или

В поисках утраченного прошлого

Станислав Кушарский

**Матушкин день, или В поисках
утраченного прошлого**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кушарский С. Е.

Матушкин день, или В поисках утраченного прошлого /
С. Е. Кушарский — «ЛитРес: Самиздат», 2019

С давних лет на новгородской земле из уст в уста передаётся легенда о Матушке. В любой беде она придет на помощь, стоит только её позвать. Потому что нет на свете ничего сильнее материнской любви! Кстати, многие уверены, что Матушку можно встретить даже сейчас... Но Сергей Плахин не верит в сказки. И рассказ случайного попутчика в поезде о чудесном спасении в годы войны кажется ему выдумкой. В прошлом ведь нет ничего интересного... Такой же выдумкой счел упоминание о Матушке следователь госбезопасности в далёких тридцатых годах. Мало ли что скажут на допросе... Но легенды никогда не появляются на пустом месте. И живут они очень долго!

Содержание

Пролог	6
Часть Первая. Спираль Плахина.	14
Часть вторая. Отец и сын. Встречи.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Любовь матери – это единственная любовь, от которой нельзя ждать измены. Нет ничего святее и бескорыстнее любви Матери; всякая привязанность, всякая любовь, всякая страсть – или слаба, или своекорыстна в сравнении с нею.

В.Г. Белинский

Пролог

Ленинград, 1 декабря 1934 г. Большой Дом.

– Шехтель! На выход! Без вещей!

"Господи, неужели опять? Я снова расскажу ему то же самое, и он снова будет меня бить! А может, это сон?"

– Чего разлегся, жид! – это Ермоленко, "шестерка", пинает его ногой. Какой же отвратительный человек...

– Не слышишь, начальник за тобой прислал! – ухмыляется уголовник. – На допрос его? Это он уже спрашивает конвойного. Уважительно спрашивает, вроде бы даже кланяется.

– Не твое дело, урод! – бросает конвойный. – Поторопи-ка Шехтеля! А то устроим вам...

Что тот хочет устроить, так и остается неизвестным. Понятно только, что ничего хорошего. Что хорошего может быть в этом жутком доме...

– Я! – отзывается Шехтель. – Я сейчас...

Всё болит! Болит левая рука... Очень болит! Вчера Смирнов встал на нее, требуя подписать протокол, не читая. И ребра... Это уже давно, с неделю назад. Кажется, какое-то из них сломано. А может, и не одно...

Щурясь от яркого света, Шехтель подошел к конвойному. Руки у заключенного сложены за спиной, как и всегда. Даже и представить невозможно, что когда-то могло быть как-то иначе...

– Лицом к стене! – это сержант закрывает дверь. За ней кто-то смеется. Что ж, они могут пока и посмеяться. Сегодня снова не повезло ему.

– Вперед!

Идти очень тяжело. Но он торопится! Не хочется злить конвойного, вдруг он человек Смирнова. Если пожалуется, тот рассвирепеет. И тогда...

А может, так и надо? Чтобы это всё кончилось поскорее? А то все его быют, и следовательно, и эти уголовники, в камере. А так...

– Стоять! Лицом к стене!

Первая решетка. Таких ещё три.

А ведь сейчас мне лучше всего, подумал он. Пока мы идем, меня никто не бьет...

– Вперёд!..

– Лицом к стене!..

– Вперёд!..

– Лицом к стене! Разрешите, товарищ лейтенант?

Как, уже пришли? Как же быстро...

– Подозреваемый Шехтель по вашему приказанию...

– Да, заводи!

Так, а это же не Смирнов! Кто-то новый... Смирнов ведь вроде бы старший лейтенант...

– Присаживайтесь, Менахем Шмулевич! Свободен! – это он уже конвойному.

– А я ваш новый следователь! – "Господи, неужели Ты услышал меня?" – Фамилия моя Моисеев, Лев Лазаревич! Лейтенант госбезопасности, Секретно-Политический отдел!

Не может быть! Из наших! И голос какой приятный! Наверное, он откуда-нибудь с юга, с Одессы...

– А гражданин Смирнов? – зачем-то спросил Шехтель.

– Соскучились? – улыбается лейтенант. – Придется вас огорчить, он больше вами не занимается. Так что придется вам иметь дело со мной!

Слезы хлынули из глаз. Господи, спасибо Тебе!

– Что с вами? Вот, выпейте воды! Или может, хотите закурить?

– Спасибо... – "Какая вкусная вода!" – Я не курю...

– Да? – следователь удивлен. – Ну, а я, с вашего позволения, закурю. Не возражаете?

Шехтель ушипнул себя. Нет, этого определенно не может быть! Следователь спрашивает его разрешения!

– Конечно же! – "А я не верил, что в НКВД есть порядочные люди!"

– Ну тогда, чтобы не терять времени, приступим! Я изучил материалы вашего дела, и, признаться, многого не понял. Поэтому начнем сначала.

Он раскрыл толстую папку.

– Итак, Шехтель, Менахем Шмулевич, 1890 года рождения, город Слоним Гродненской губернии, из рабочих, отец... мать... Ну это можно пропустить... Помощник сторожа Главной Хоральной Синагоги города Ленинграда с 1921 года... Член ВКП(б) с 1917... Исключен из рядов ВКП(б) в 1921... По собственному желанию? Тут нет ошибки?

– Нет, всё так. Просто была инструкция Обкома, что члены партии не могут работать в культовых учреждениях...

– И вы что же, сами вышли из партии только для того, чтобы работать сторожем в синагоге?

– Помощником сторожа. Меня туда больше никем не брали...

– А вам очень надо было именно туда, так?

– В общем, да...

– Ну ладно, мы к этому моменту ещё вернемся. У вас, я понимаю, были какие-то веские причины для такого, мягко говоря, странного поступка. Вы ведь всё мне расскажете?

"Господи, какой хороший человек! Он же совсем молодой, ему и тридцати нет. Волосы рыжеватые, зачесаны назад. Нос, правда, прямой, ну не у всех же евреев нос с горбинкой... Я всё расскажу!"

– В первую очередь, сами понимаете, меня больше всего интересует эпизод с китайцами... Так что расскажите ещё раз. И постарайтесь ничего не упустить! А Марина всё напечатает.

Надо же, в углу сидит машинистка! Смирнов всегда был один...

– Да, да! Летом 1920 года я служил комиссаром продотряда номер четыре Череповецкой губернии. Командиром продотряда был матрос Тюрин, Архип Осипович. Отряд состоял из китайских рабочих, которые плохо говорили по-русски. Приказы им передавали через Янь Вэня...

– Это тот, кого вы называли Ян Иванович?

– Да, мы так его звали. Поэтому можно сказать, что фактическим командиром отряда был именно он. Товарищ Тюрин давал команду Яну, тот переводил...

– А китайцы не спорили?

– Нет, очень исполнительные были китайцы! Даже чересчур...

– Поясните!

Шехтель замялся.

– Понимаете, время было такое... Голод в стране... Партия приказала изъять излишки хлеба у крестьян... А излишков особо не было. Приходилось применять силу...

– Подробнее!

Милый местечковый акцент следователя исчез. Но Шехтель этого не заметил.

– В деревне Тихая один из крестьян ранил товарища Тюрина вилами. Да не ранил, скорее, просто царапнул... Товарищ Тюрин применил оружие... По нападавшему. Кроме того, крикнул, что всех там закопает...

Шехтель судорожно допил воду.

– Ян Иванович перевел... И китайцы...

- Выполнили приказ, так?
- Да...
- Как именно?
- Простите, мне тяжело...
- Здесь всем тяжело! – бросил Моисеев. – Отвечайте!
- Китайцы закололи эту семью штыками...
- А почему не расстреляли?

Шехтель в изумлении поднял глаза.

- Так у них же патронов не было! Патроны были только у товарища Тюрина...
- Понятно. И сколько же человек было в той семье?
- Девять... Трое детей...
- Давайте дальше! Про ваш рейд в деревню Протоки!
- Это уже был сентябрь 1920 года. Лето было дождливое, урожай плохой, а план по отбору зерна подняли. Поэтому у нас было указание начать раньше обычного, чтобы закончить до осенней распутицы.

До деревни мы добирались долго. Дорога плохая, лошади постоянно беспокоились. И люди не выдерживали...

Товарищ Тюрин после ранения очень изменился. Он всё время пил, собственно, он самоустранился от своих обязанностей...

- А вы? Вы докладывали?
- Да, я писал в Уездный ЧК в Беловодск... Но мне не ответили.
- Я проверил. Вот ваша записка! – он вынул из папки потертый листок. – На ней резолюция: "В архив". Чем вы можете объяснить такое отношение?
- Людей не хватало...
- Ладно, давайте дальше.
- В Протоках всё прошло относительно спокойно. Правда, я не помню, сколько излишков хлеба удалось изъять. Но у нас ещё оставалось место на подводах.
- Так... А что значит "относительно спокойно"?
- Силу применять не потребовалось. Товарищ Тюрин пару раз выстрелил в воздух. И пригрозил расстрелом за отказ сдавать излишки...
- Хорошо. А что было дальше?
- Ян Иванович сказал, что неподалеку есть ещё одна деревня, которой почему-то нет на нашем плане.
- Откуда он узнал?
- Не знаю... Видимо, кто-то из местных сообщил.
- И вы приняли решение осмотреть и ее?
- Не я. Товарищ Тюрин...
- Ну да, ну да... И что там?
- В деревне никого не было. Люди ушли...
- Вот отсюда предельно точно! Со всеми подробностями!
- Все дома были пустые... И даже собак не было. Причем было похоже, что ушли совсем недавно. Дома все стояли открытые...
- Может, они были в поле?
- Китайцы разбежались на поиски, но никого не нашли. Через некоторое время, около часа, наверное, мы собрались на небольшой площади возле деревенской церкви...
- А церковь проверяли?
- Да, в первую очередь. В ней тоже было пусто. Да и сама церковь...
- Что церковь?

– Странная была церковь... Снаружи вроде бы всё как положено, бревенчатые стены, окошки, купол с крестом. Хотя нет... Купола не было! Была обычная крыша с крестом наверху! И очень странно, что внутри не было ни одной иконы... Да, ни одной иконы не было!

– Может, сняли и унесли?

– Может... Только по-моему, там и не было икон никогда. И подсвечников не было. А вместо алтаря стояло дерево...

– Какое дерево?

– Наверное, это был дуб, старый, толстый. Ствол без ветвей уходил прямо в крышу...

– То есть дерево выросло в церкви?

– Думаю, что нет, это выглядело так, что сперва было дерево, а потом вокруг него построили церковь...

– А колокольня?

– Не было колокольни. И колоколов не было.

– В ваших показаниях указано, что на стволе дуба было вырезано какое-то изображение...

– Да, это была фигура женщины, в полный рост, в длинном платье и платке.

– Опишите подробнее.

– Да ничего особенного... Обычная женщина, средних лет. Да, её явно раскрашивали, причем недавно. Краски совсем свежие...

– Лицо можете описать?

– Светлые волосы, голубые глаза. Взгляд такой необычный... Смотреть не хотелось... Да, в руках держала веретено с ниткой...

– Стало быть, внутри было только дерево с этой женщиной и более ничего?

– Ничего. Ни дверей, ни лавок. Хотя нет! Перед деревом стояла бима с книгой. Закрытой книгой.

– Бима, Менахем Шмулевич, в синагоге. В церкви книги и иконы кладут на аналой! А что за книга?

– Не знаю... Не очень большая, но какая-то старая. Я не рассматривал.

– Не понимаю... Ладно! Пол в церкви какой был? Доштатый?

– Пол? Не помню. Вроде бы земляной... Да, именно земляной!

– Хорошо, после осмотра церкви вы собрались на площади. Что было дальше?

– Ян Иванович доложил товарищу Тюрину, что никого найти не удалось. Товарищ Тюрин очень рассердился и начал стрелять... Сначала в воздух, потом в сторону церкви... Потом появился кот...

– Кот?

– Да, рыжий с белым кот, довольно большой. Он прыгнул на товарища Тюрина...

Следователь засмеялся.

– Попробую представить... Нет, ей-богу не могу! Кот! Вы не выдумываете?

Шехтель вдруг побледнел и вжался в спинку стула.

– Что с вами?

– Ничего... Просто гражданин Смирнов меня всегда бил после такого вопроса...

– Ну не бойтесь, не бойтесь! Не буду я вас бить! И Марина не будет! – Лейтенант снова засмеялся.

– Спасибо... Но это правда! Кот бросился на его руку, в которой был пистолет, и впился в неё клыками...

– Да уж, у кота клыки...

– Товарищ Тюрин бросил пистолет и упал на землю. Только тогда кот отпустил его...

– И появилась женщина?

– Да, она вышла из дверей церкви...

- Подождите, но вы только что сказали, что там было пусто!
- Так и было.
- А откуда тогда она взялась?
- Не знаю. И как будто она была очень похожа на ту... На деревянную...
- Следователь глубоко вздохнул.
- Я, пожалуй, закурю, – сказал он, вставая.
- Поверьте мне, пожалуйста, – быстро проговорил Шехтель, вжимаясь в спинку стула.
- Знаете, всё это дико звучит, но я ничего не придумываю!
- А дальше что было? – спросил лейтенант.
- Она посмотрела на нас и сказала: "Вам здесь не рады. Идите и будете жить." Ян Иванович подбежал к товарищу Тюрину, но тот лежал, не двигаясь. Ян тогда что-то скомандовал своим и китайцы бросились на женщину...
- Все сразу? У них было оружие?
- Да, винтовки со штыками. У всех. Но они не добежали до неё...
- Я читал, – раздраженно бросил лейтенант. – Просто исчезли, так?
- Не совсем. Они превратились в какую-то странную черную пыль, которая осела на землю...
- А их оружие?
- Я не помню. Наверное, упало в эту пыль.
- Вы говорили, что через эту пыль проросла крапива? Что, прямо на ваших глазах проросла?
- Всё так. Высокая, до пояса. И очень густая...
- Ну что же, всё понятно, – с улыбкой произнес лейтенант. – А вы?
- Я... Я испугался! Ведь я остался один! Женщина подошла ко мне и сказала: "Тебя не трону. За тобой Господь, перед ним и ответишь. Уходи. И этого заведи!"
- Это про вашего командира? Кстати, а он сейчас где?
- Я говорил... Я доставил товарища Тюрина в госпиталь, ему ампутировали руку. Он умер в госпитале через неделю.
- То есть ваши слова никто подтвердить не может?
- Никто... – потерянным голосом прошептал Шехтель.
- Разве что эта ваша деревянная женщина... Интересно было бы её допросить... – рассеянно проговорил лейтенант. – Так, а что было после?
- Когда мы вернулись, я составил докладную записку. Меня сразу отправили сюда, в Ленинград, на лечение. Только лечиться я не стал.
- А что вы сделали?
- Пришел в синагогу. Поговорил с ребе. Он предложил остаться у них. Так я и устроился туда на работу.
- А может, стоило всё-таки подлечиться? – спросил лейтенант. – Не думали?
- Так я же здоров! Ну, был до последнего времени...
- Так, и последний вопрос... Где вы были в период с января по июнь 1930 года? Когда синагога была закрыта по решению Президиума Ленсовета?
- Так, я там и был! Синагогу закрыли, но меня не тронули. Ведь и закрытое здание надо кому-то охранять... А как я был рад, когда её снова открыли! И жалование мне всё выплачивали...
- Ну что же, мне всё ясно! Вот, прочтите ваши показания и подпишите, – лейтенант взял у машинистки листок, передавая его Шехтелю. Тот стал читать, водя пальцем по строчкам.
- Следователь напрягся. Наступил самый ответственный момент... Этот упёртый жид ни за что не хотел признать то, что два месяца требовал от него товарищ Смирнов. Что по заданию врагов народа осуществил заброс на территорию СССР вооруженных диверсантов, сотруди-

ков китайской и японской разведок. Что планировал террористические акты против руководителей Советского государства. Побои и угрозы не помогали. Так что надо было применить мозги...

– Прочитали? Только сперва я подпишу, – он улыбнулся. – Такой порядок!

Старый Шехтель, конечно, не заметил, как легко улыбчивый лейтенант подменил желтоватый листок.

– Вот тут, – всё так же с улыбкой, прикрыв текст рукой, указывая пальцем, сказал следователь. – Подписали? Ну вот и славно! Так что теперь вы у нас надолго не задержитесь, обещаю!

И это была чистая правда.

– А можно один вопрос? – неуверенно сказал Шехтель.

– Конечно.

– Как здоровье товарища Сталина?

– Что? – изумился лейтенант.

– Вы знаете, ваш предшественник всё время говорил мне, что я у него и в убийстве Сталина сознаюсь! Он почему-то считал, что я хочу кого-то убить. Говорил ещё про товарища Ворошилова, товарища Орджоникидзе, товарища Кирова. И бил меня... Так вот я хочу заявить, что ничего такого у меня и в мыслях нет... Ведь я же простой помощник сторожа в синагоге! Я не хочу никого убивать!

– Все наши руководители здоровы, гражданин Шехтель! И работают! Так что не волнуйтесь за них! – закончил следователь, нажимая кнопку звонка.

– О себе подумай... – пробормотал он, когда конвойный увел старика. – Мариночка, я на обед. Устал я что-то...

Неожиданно зазвонил телефон. Следователь снял трубку...

– Моисеев! Срочно к начотдела! У нас ЧП!

– Трубу, что ли, прорвало? – усмехаясь, спросил он.

– Какую ещё трубу, лейтенант?! Товарища Кирова убили! Бегом давай!

– Убили... Надо же... – задумчиво произнес Моисеев, опуская трубку. – Мариночка, обед, похоже, отменяется. Пусти-ка меня к машинке. Я тут допечатаю кое-что...

Несмотря на молодость, лейтенант госбезопасности хорошо знал свое дело. В частности, что всегда надо оставлять пустое место под текстом протокола. Вдруг надо будет что-нибудь добавить...

– Вот и славно, – улыбнулся он, читая свеженапечатанные строчки. – И ещё одно... – Он быстро стал листать пухлое дело Шехтеля, и наконец вынул из папки листок бумаги. – Вот он! Теперь можно и к начальству!

– Товарищи! Сегодня, в половину пятого, в Смольном от руки подлого убийцы погиб... – майор госбезопасности сделал эффектную паузу, стараясь подчеркнуть свою скорбь, – погиб Первый секретарь Ленинградского Обкома ВКП(б) Сергей Миронович Киров! Пал на боевом посту, как настоящий коммунист!

Ожидая какой-то реакции на свои слова, майор сделал ещё одну паузу. Но в огромном кабинете Начальника Секретно-Политического Отдела стояла мертвая тишина.

– Но не время сейчас скорбеть! Мы не можем сидеть и ждать, пока подлые враги, несомненно, готовят новый удар! Мы будем мстить! Беспощадно уничтожать всех, кто подготовил и осуществил это немыслимое злодеяние!

Теперь детали! Убийца задержан, он пытался покончить жизнь самоубийством, но пока жив. По горячим следам установлено наличие заговора, и корни этого заговора в нашем городе! Есть мнение, что мы недостаточно решительно боремся с недобитым врагом, проявляем преступное благодушие к контрреволюции, вредителям и прочей нечисти! Так что за работу, товарищи!

Начинаем с семьи преступника. Жена, родители, братья, сестры... Чтобы к утру все были здесь и давали признательные показания!

Сослуживцы за последние десять лет!

Соседи и все прочие!

Ответственным назначается мой заместитель капитан госбезопасности Скворцов! Все отпуска, выходные и командировки отменяются! Выполнять!

Кабинет быстро опустел. Только один человек остался за длинным столом...

– Моисеев! Ты что, оглох? Иди, работай!

– Разрешите доложить! Сегодня в ходе допроса подследственный Шехтель сообщил, что старший лейтенант Смирнов требовал от него признания в убийстве товарища Кирова!

– Ну и что с того?

– В ходе допроса, проходившего три дня назад!

– Чего? – переспросил майор. – Повтори!

– Вот... – Моисеев разложил перед своим начальником бумаги. – Вот протокол сегодняшнего допроса, подписанный подследственным... Он признается в тайной заброске отряда китайских диверсантов в 1921 году на территорию...

– Да на хрен этих китайцев! Дело говори!

– В конце допроса подследственный сообщил, что следователь Смирнов в ходе допроса 29 ноября требовал от него признаться в совершении убийства товарища Кирова... Показания Шехтеля подтверждаются его сокамерником Волковым, который является моим осведомителем. В своей записке Волков указывает, что Шехтель во сне говорил, что не хочет убивать...

– Дай сюда! – майор вырвал листок из рук подчиненного. – Ну и показания! Во сне! Ты в своем уме?

– Так точно!

"А ведь он не врет, – неожиданно подумал майор. – Эх, Смирнов, Смирнов..."

– Значит, так. Ты начал, тебе и продолжать! Закрывай дело этого Шехтеля. Прицепишь к нему своего попа, Беянина, и ещё фон Хазена...

– Белогвардейца? Слушаюсь!

– Чтобы к утру всё было готово! Религиозно-белогвардейский заговор с целью убийства товарища Кирова! Детали сам обмозгуешь. Всех по пятьдесят восьмой часть восемь. Всё понял?

– Так точно! А что Смирнов?

– А это, – майор нервно закусил нижнюю губу, – не твоя забота! Кто ещё знает?

– Никто, товарищ майор!

– Вот и хорошо... Так что иди, лейтенант... Сделаешь, как надо, получишь ещё одну шпалу в петлицу...

"Прыткий парень... – подумал майор, глядя на закрывающуюся дверь. – За таким глаз да глаз!"

...Впервые Шехтель чувствовал себя счастливым. Его снова вызвали к этому замечательному молодому лейтенанту, с таким милым местечковым выговором! Господи, спасибо Тебе!

– А у меня для вас хорошая новость! – улыбнулся следователь. – Я подал начальству ходатайство о переводе вас в одиночную камеру! Зачем вам сидеть с этими уголовниками?

– Спасибо! – Шехтель снова расплакался.

– Не обессудьте, я тут уже за вас всё написал, так что просто подпишите вот тут, внизу, – быстро сказал Моисеев. – Если, конечно, не возражаете...

– Нет, что вы, конечно, не возражаю, – Шехтель, не читая, быстро подписал поданный ему лист. – А почему надо в самом низу?

– Там придется ещё несколько подписей собрать... Завхоз должен подписать, кладовщик... Но я с ними сам встречусь, – с той же улыбкой произнес Моисеев. – Вы пока в моем кабинете подождите.

"И взгляд у него такой добрый! – думал Шехтель. – Неужели такие ещё остались?"

И когда через пару часов его повели по мрачной лестнице куда-то вниз, он так же счастливо улыбался...

А следователь Смирнов на следующий день нелепо погиб при переходе улицы. Вроде бы и автомобилей почти не было, и погода была хорошая. Что ж, всякое бывает... Похоронили его с положенными почестями, а семье назначили пенсию. Всего через пару лет с небольшим многие из его коллег, спускаясь в подвал по той же самой мрачной лестнице, позавидовали ему.

Что же до следователя Моисеева, то он просто исчез. Вроде бы его видели на похоронах Смирнова, но потом... Потом он пропал! Искали его, конечно, но не нашли. Жил он одиноко, родни у него не было. Не было и зацепок, чтобы понять, куда он делся. А дальше пошла такая работа, что о нем забыли.

Загадочная история маленькой деревни напрочь затерялась в круговороте грозных событий. И кое для кого это, наверное, стало самым важным событием того страшного декабря 1934 года...

Часть Первая. Спираль Плахина.

Виток первый. Солдат.

Скорый поезд Куйбышев-Новосибирск. Сентябрь 1988 г.

Возвращаясь из отпуска в свою часть, Серега Плахин попал в крайне неприятную ситуацию.

Вот как всё было. Прилетел он из Ленинграда в Уфу, а там добрался до вокзала. Купил билет до своей станции. Надо было ждать три часа, так что сел он в зале ожидания и задремал.

– Парень, ты не из Москвы? – спросил кто-то.

– Нет, я из Ленинграда, – просыпаясь, ответил он.

И увидел подле себя высокого улыбающегося мужика, явно откуда-то с Кавказа. Одет был мужик в джинсовый костюм, который в те времена считался дорогим и престижным.

– Из Ленинграда! Какой красивый город! – искренне обрадовался тот. – Я там был! Ну и как там сейчас?

– Хорошо, – ответил Серега. – Дома всегда хорошо...

– А у меня радость! Сын у меня родился, дома, в Грузии! Я к ним еду! Только поезд ещё не скоро... Идем со мной в ресторан, отметим!

Что-то в душе подсказывало Сереге, что не следует идти с человеком, которого видишь первый раз в жизни. Но тот так искренне улыбается, что обижать его не хочется. Да и ждать ещё долго...

По дороге встретился им ещё и друг грузина. Они о чем-то быстро стали говорить по-своему.

– Я Арчил, а это Гочи, брат мой! – сказал первый. – Мы тут в гостях были, а мне телеграмму прислали! Гочи пока очередь за билетами займет, а мы с тобой посидим!

И снова ничего не насторожило Серегу. В ресторане Арчил заказал сразу много всего; даже и названий таких Серега не знал.

– Вино пьешь? – спросил грузин.

– Нет, мне нельзя! Патруль...

– А я выпью! За сына моего! Чтобы вырос достойным человеком!

Принесли закуски, потом горячее. Серега прежде никогда в ресторане не был, только в столовых. Всё оказалось таким вкусным, что скоро он просто опьянел от съеденного.

Тут подбежал Гочи. Опять грузины заговорили по-своему.

– Арсену звони! Вот двушка тебе! – раздраженно сказал Арчил. – Очередь в кассу подходит, а деньги должен друг подвезти, – объяснил он Сереге. – Только нет его почему-то... Так и очередь пройдет!

Гочи вернулся, сказал по-русски, что у Арсена не отвечают. Арчил тогда и спросил, не даст ли им Серега сто рублей, они купят билеты, а когда друг приедет, они вернут.

Сто рублей тогда – огромные деньги! Месяц можно жить! А если скромно, то и два. Перед отпуском занял Серега у своих сослуживцев, теперь вез обратно. Мать сама на работе занимала у кого-то...

Ну как отказать новым друзьям? Они ведь такие хорошие, веселые!

И только, когда грузины вдвоем убежали ("В кассе надо паспорт самому показывать, но мы скоро!"), Серега что-то заподозрил.

Прошло десять минут, полчаса, час. Уже и самому на поезд пора, а те так и не возвращаются. Хотел уйти, но надо же за стол заплатить! Подозвал официанта, попросил счет.

И остолбенел. Оказывается, наели они на тридцать семь рублей с копейками! Вдвоем всего!

Денег таких у Сереги не было. Десять рублей всего осталось...

Подозвал официанта ещё раз. Спросил разрешения отойти, чтобы найти друзей, которые стоят в очереди за билетами. Только официант не поверил. Привел какого-то хмурого дядьку, тоже кавказца, который сразу сказал:

– Не будем платить – будем милицию звать. Будем платить – всё хорошо будет!

– Так нет у меня... – сказал Серега и заплакал, как ребенок.

Да он в сущности и был ещё ребенок, в свои девятнадцать! Что с того, что ростом метр восемьдесят пять, и сто метров за двенадцать секунд пробегает. Пацан пацаном... И помочь некому, в этом городе у него никого нет!

– Ну что, милицию зовем? – громко сказал официант.

И тут из-за соседнего стола встает человек. Да и не просто человек, а настоящий человек-гора! В коричневой кожаной куртке, каких тогда почти ни у кого не было, да ещё и с золотой цепью чуть ли не в палец толщиной!

– Что к парню пристал, Муртаз? – спросил он. Вроде бы тихо так спросил, а все услышали.

– Всё в порядке, Всеволод Михайлович, всё в порядке, – слащаво улыбнулся дядька, – вот, солдатик платить не хочет...

– И сколько на нем?

– Вот, пожалуйста, тридцать семь семьдесят...

– Ого! Один он, что ли, наел столько?

– Да нет, говорит с друзьями был...

– Что, парень, бросили тебя друзья?

– Да какие они мне друзья, – всхлипнув, ответил Серега. – Грузины какие-то... И деньги у меня забрали.

– Так-так... Грузины, значит... Имена знаешь?

– Арчил. Гочи...

– Арчил Высокий? В джинсе?

– Ну да...

– Ну Арчил, ну крыса! Солдатика кинул! – Человек-гора подошел к дядьке, – а ты, Муртаз, часом, не в доле с ними?

– Нет, что вы, Всеволод Михайлович, что вы! Я же всегда... И на общее дело жертвую... Я ведь с Азербайджана! Что мне какие-то грузины!

– А для меня вы все одно, – процедил Всеволод, доставая бумажник. – Понаехали к нам... Держи! – он швырнул официанту пятидесятирублевую бумажку. – Сдачу парню отдашь!

– Спасибо! – Серега снова пустил слезу. – Я верну! Только адрес мне можно...

– Пустое... Мне можешь не возвращать. Встретишь бедолагу какого-нибудь, вот ему и помоги. Понял?

– Понял! – ошеломленно ответил Серега.

– И ещё... В церковь зайдешь, свечку поставь за Севу Тучина... То есть за раба Божия Всеволода. В церковь то ходишь?

– Так это... Комсомолец же я! Правда, заходил пару раз...

– Ну, значит, ещё раз зайдешь. Только сразу не уходи, хоть постой там чуть-чуть...

– Да, Всеволод Михайлович, спасибо вам! Я побегу?

– Беги, парень, а то ещё и поезд свой упустишь, – добродушно усмехнулся человек-гора, глядя в его спину. – Если бы мне такой, как я сейчас, тогда встретился... Может и вся жизнь бы другая была...

К чести Сереги, не раз и не два ставил он потом свечку за раба Божия Всеволода. И всё хотел встретить его где-нибудь, помочь чем... Только не встречались они больше. А через двадцать с чем-то лет попалась Сереге на каком-то сайте подборка "Самые удивительные над-

гробные памятники". Там-то он и увидел трехметровую малахитовую глыбу с портретом своего спасителя. В полный рост, в той же куртке, с цепью, с ключами от "БМВ" на пальце. И с датой смерти "1993". Вот как бывает...

В общем, сел Серега на свой поезд, и даже некоторое время был счастлив, полагая, что всё позади. И только через пару остановок вдруг вспомнил, что на нем долг, а отдавать его нечем...

Ну, конечно, можно матери написать, она там найдет ещё денег, пошлет ему. Только не хочется что-то. Зарплата у неё маленькая, накопить никогда ничего не выходит. Да и родственники все у них небогатые. Вариант, конечно, но только на самый крайний случай.

Своей крошечной зарплатой сто рублей никак не наскрести. Советское государство аж восемь рублей платит в месяц старшему стрелку! Целый год надо копить...

В принципе, можно было бы и накопить... Да только уволится Серега через три месяца! А повезет, так и через два. Это вообще не вариант.

Остается только просить того парня подождать, чтобы после дембеля отослать деньги ему домой. Только вряд ли он согласится. Ему тоже осенью увольняться. И сотня эта ему сейчас нужна, а не через полгода. Шинель новую справить, ботинки, шапку новую. Точно не согласится!

О том, чтобы "молодых" напрячь, Серега даже не думал. Не то воспитание. Отбирать деньги у младших нельзя! Это он твердо знал. Чем тогда он будет лучше этих грузин!

Нахлынула жгучая ненависть. Вот ко всем этим, которые понаехали сюда! Зачем они здесь? Сидели бы у себя, в горах! А лучше вообще их всех забомбить! За Берию, За Сталина! За мои сто рублей!

– Вот же сволочи! – процедил он сквозь зубы.

– Кто? – спросил кто-то.

Тут-то и увидел Серега, что он не один сидит в купе общего вагона. Так задумался, что и не заметил соседа своего.

Дед, лет шестидесяти, старый совсем. Серый пиджачок, потертые брюки, кепочка. Армейский вещмешок с каким-то добром на коленях...

– Нет-нет, я не вам, извините, – быстро сказал Серега. – О своем я...

– А что стряслось, солдатик? – усмехнулся дед. Голос у него был хриплый, но какой-то добрый. Располагающий голос, одним словом. – Служба в тягость стала?

...И прорвало Серегу! Вот бывает так, никому: ни матери, ни друзьям не стал бы рассказывать о своей глупости. А случайному попутчику, которому во внуки годится, всё рассказал.

Долгий получился рассказ... Когда закончил, уже и темнеть начало. Хорошо хоть дед попался спокойный, не перебивал, выслушал всё.

– А давай сходим покурим, – предложил дед.

Серега не курил. Спортсмен, во-первых, да и пример отца, что в сорок лет сторел от рака горла, поспособствовал. Но пошёл, что называется, за компанию.

...Звали деда Юрий Данилыч.

– Ты, главное, не унывай, Серега, – говорил он. – Деньги – дело наживное! Сегодня есть, завтра нет, а послезавтра окажется, что они тебе уже и не нужны! Я вот в твои годы на заводе почти задаром работал, по четырнадцать часов. Когда на фронт забрали, только и выпался...

Оказывается, дед ещё и воевал. Правда, только один год, последний год войны.

– Вот идем мы за немцем, а вокруг живого места нет, всё порушено. Люди меж тем радостные, что хоть живые остались, улыбаются нам! А ты денег жалеешь...

Заболтались они в тамбуре, а когда вернулись в свое купе...

Ветер гуляет по вагону, а на том месте, где сидел Серега, лежит здоровенный булыжник. Хулиганы какие-то бросили в поезд... Там, где Серегина голова была, огромная дыра в стекле. Если бы курить не пошли, снес бы камень голову парню напрочь. Ещё и осколками бы поранил.

Проводница сонная рядом стоит, трет виски руками.

– Вот, – говорит, – камушек прилетел! Кто тут сидел, мальчики?

Сергеа ответил, что он.

– В рубашке ты родился, солдатик! – улыбнулась проводница.

– Спасибо вам, Юрий Данилыч, – сказал Серега. – Вот, курение иногда и продлевает жизнь, оказывается!

А Юрий Данилыч бледный весь, сидит и трясется.

– Вы как, дедушка? – спросил солдат.

– Камушек... Прилетел-таки камушек... – только и повторял дед.

Проводница принесла старый ватник, заткнула дыру. Пришел какой-то мужик в форме, наверное, начальник поезда, составили акт о повреждении. Стекла с пола смели. А Серега с дедом в соседнее купе пересели, оно пустое было.

– Вот, значит, как... Прилетел камушек... – шептал Юрий Данилыч. Потом свой вещмешок развязал, достал флягу, хорошо из неё отхлебнул, предложил Сереге. Тот отказался.

– С перегаром меня сразу на губу отправят, – оправдывался парень. – Извините...

Дед ещё раз отхлебнул.

– Ну вот, парень, ты мне рассказал свое, теперь я тебе кое-что расскажу! Только не подумай, что я для тебя сказку сочиняю. Стар я для сказок...

Рассказ Юрия Данилыча. Начало.

Говорил я, что призвали меня под самый конец войны. Так что повезло мне, можно сказать.

Отец мой, что был на нашем заводе начальником цеха, не хотел меня отпускать, как я потом узнал, но вынужден был. Сам понимаешь, что бы сказали, если бы я остался в тылу? Всех прочих парней берут, а сына начцеха, значит, на бронь? Нет, так тогда нельзя было.

Вот, и у Сталина даже оба сына воевали. И у Микояна, и у Хрущева, недоброй памяти.

Но так просто отец меня не отпустил. Сам встретился с военкомом, потом с тем офицером, что за нами приехал, поговорил с ними обоими, дал каждому, что полагалось. И стал я при штабе полка писарем. Почерк у меня очень красивый! Впрочем, там я не задержался. Капитан Воропаев, особист наш, меня к себе забрал. Адьютантом, значит.

Тогда я очень доволен был! Народ в окопах, под пулями, в грязи, вшей кормит, а я в теплом доме ночую, при начальстве. Это сейчас мне стыдно до слез, а тогда я очень радовался. За полгода сержантом стал!

Если помнишь, в сорок четвертом мы всю нашу землю освободили, и пошли немца в Европе громить. Пленных было – не счесть!

С немцами, казалось бы, всё было ясно. После проверки зеленых, то есть солдат, – в тыл, на стройки, чтобы восстанавливали всё. С чёрными, которые наших убивали, мы поступали, как говорится, по законам военного времени. С кем сами не могли разобраться, отправляли наверх, фронтовой контрразведке. СМЕРШ – слышал такое слово? Вот это мы и были...

Но как разобраться, кто из них кто? Вот ты, наверное, фильм про Штирлица смотрел. Там все немцы такие красивые, в черной форме! Только брехня всё это! У гестапо, например, вообще единой формы не было, они больше по гражданке ходили. И встретили мы их только в Польше! Потому что Польша – это уже был Рейх. Генерал-губернаторство! А на оккупированных землях Советского Союза гестапо и вовсе не было. Все те ужасы, про которые вам рассказывали, на нашей земле творили совсем другие немцы – полевая жандармерия и СД, их служба безопасности, которые входили в состав Вермахта. А форму с самого начала войны эти сволочи носили ту же, что и простые вояки. Серо-зеленую, "фельдграу" по-немецки. Только нашивки и позволяли определить, кто есть кто. А нашивку ведь можно и сорвать по-быстрому. Перед тем, как в плен сдаться...

Были ещё и эсэсовцы! Там вообще непонятно, одни вроде как полицаи, другие солдаты простые. Танкисты, пехотинцы, артиллеристы. Форма у всех одинаковая. Как тут понять, кто из них воевал, а кто партизан вешал?

Но и у нас, и уж тем более во фронтовом СМЕРШе тоже не дураки служили. По глазам, по словам, по рукам могли определить, кто и что делал. А лучше всего "наши" помогали...

Хотя какие они были наши... Немцы их называли "хиви". В переводе "добровольный помощник". Конечно, не все они числились в полиции, но для нас это уже и неважно было. Потому что все они, гады, немцам за кусок хлеба служили! И кусок этот на совесть отработывали... Даже я, хоть и штабной, такого насмотрелся и наслушался, что и говорить тебе не стану.

И понятно, что таким предателям, кроме пули в затылок, ничего не светило. Они это, кстати, прекрасно понимали. Чтоб жить, всё нам рассказывали. Ведут такого вдоль строя пленных немцев, а он с радостью своих бывших начальников показывает!

Правда, вину с них за это снимать никто не собирался. И наказание было, как положено. Правда, не всем. Многие из таких вместо заслуженной кары отделались лагерями. И скажу честно, по-моему, зря их пожалели...

Впрочем, много было таких, которых ни при каких обстоятельствах нельзя было прощать!

И когда, наконец, вернулась к советским людям родная власть, суровая, но справедливая, народу, конечно, следовало показать, что возмездие врагу неотвратимо. Ярко показать! Весомо, грубо, зримо, как у поэта сказано... Потому приняли решение вешать предателей так же, как они вешали партизан, коммунистов и прочих. При большом стечении народа. Да ещё и снять всё для хроники.

Вот с этого-то жуткого места и начинается всё!

...Было дело в Западной Белоруссии, в захудалом местечке, где нашлись ещё какие-то жители. Это, кстати, большая редкость была. Потому что во многих тамошних деревнях людей вообще не осталось. Полицаи с жандармами там хорошо поработали...

Вешали в тот день четверых. Двух хохлов, с Западной Украины, которые Гитлеру присягнули, и двух немцев из СД, офицера и фельдфебеля. Ну, это типа прапорщика что-то.

Поставили их на грузовики, что подогнали под виселицу, завязали узлы на шеях. Капитан Воропаев речь сказал. Вот, говорит, пришла пора воздать фашистским извергам за злодеяния. За всех и за вся, короче...

Народ, кстати, особо не радовался. Не любят русские люди на смерть смотреть. Насмотрелись уже. Сверх всякой меры! Только их согласия не требовалось. Велено привести всех, кто в деревне остался – привели.

Тем более, что ещё и кинохроника здесь. Приехал к нам оператор из штаба фронта. Аппарат у него хороший, трофейный. Всё снимает!

Сперва товарища Воропаева. Тот высокий, красивый, форма на нем как влитая. Сапоги блестят, портупья блестит! Богатырь!

Потом местных. Их пришлось издали снимать, потому что многие бабы слезу пустили. Может, кого из своих вспомнили, а, может, и немцев пожалели. Что и говорить, непонятный народ эти бабы!

Ну и напоследок стал он снимать немцев с полицаями.

А тут и товарищ Воропаев свою речь закончил. Приговор, мол, привести в исполнение.

И уже поднял руку, чтобы грузовики тронулись. Только вдруг слышу я крик:

– Стойте!

Все повернулись. А это оператор наш кричит! Пленка у него порвалась! Надо поправить, а то самое важное пропадет для истории.

Товарищ Воропаев аж побелел от бешенства.

– Живее, Круглов!

А я на немцев смотрю. Хохлы сжались, напряглись. Офицер стоит, как ни в чем не бывало, вроде даже ухмыляется. Были у немцев такие, вроде как из древних каких-то родов. Всех презирали, кроме фюрера своего. И смерти не боялись. А фельдфебель...

Тот всё на оператора смотрит. И вдруг как крикнет:

– Круглов? Павел Круглов?

Оператор глаза поднял. Он ведь не понял ещё, кто с ним говорит.

– Я Павел Круглов! – отвечает.

– Павел Лаврентьевич? Деревня Тихая Беловодского уезда?

Тут-то он и посмотрел на виселицу. Только не стал отвечать.

– Ну, здравствуй, брат, – говорит фельдфебель. – Вот и свиделись! Ты хоть похорони меня...

Товарищ Воропаев тогда быстро рукой махнул. Поехали грузовики, закачались в петлях тела. А оператор так и стоит с катушкой в руках...

В общем, завели мы оператора в первую же целую хату, и по горячим следам капитан Воропаев начал допрос. Как, мол, так вышло, что фельдфебель Петер Кугель, палач советского народа, махровый фашист, на чистом русском языке называет своим братом орденосца Круглова, лейтенанта Рабоче-Крестьянской Красной Армии?

Ответил Круглов, что не понимает сам, что был у него на самом деле брат Петр, только погиб он очень давно, ещё в империалистическую, в тысяча девятьсот шестнадцатом. И о том написали его отцу письмо, прочитав которое отец так опечалился, что помер в одночасье.

– Так-так... Петр-Петер... Кугель-Круглов... Тысяча восемьсот девяносто пятого года рождения... – задумчиво сказал Воропаев. – Вот значит как... А ты тогда кто? Может быть, тоже Кугель? Пауль, наверное?

Тяжело вздохнул оператор.

– У меня к вам, гражданин капитан, одна просьба. Дайте мне его похоронить. Просто в землю закопать! Посмотрю хоть на него перед тем вблизи, пусть и на мертвого. А потом я вам всё подпишу, слово офицера даю. Я всё-таки ещё пока офицер...

Уж и не знаю, что за блажь напала тогда на Воропаева. Суровый был мужик, решительный. Только почему-то сразу согласился.

Могилу Воропаев велел копать возле кладбища, сразу за его оградой. Сам Круглов туда и отнес фельдфебеля, уложил вниз, и стоит рядом.

– Что еще? – спросил Воропаев. – Зарывать не хочешь?

– Так я думал... Что вы меня к нему...

Тут Воропаев не сдержался.

– Ты за кого меня принимаешь, сволочь? Я коммунист! И ты пока тоже коммунист! Всё по закону должно быть!

Пожал плечами Круглов, зарыл могилу. Я ещё хорошо запомнил, что он в землю горсть желудей бросил. Я тогда не понял, зачем.

А ближе к вечеру поехали мы в штаб фронта. По месту службы Круглова, продолжать расследование.

Воропаев с Кругловым сели в кабину к водителю. А я с конвойными в кузове ехал. Мне Воропаев велел кинокамеру держать. "Смотри, – сказал, – разобьешь – под трибунал отдам!" И засмеялся. Не понял я, шутит он или нет. Шутил он вообще-то очень редко...

Только не доехали мы... Так и не понял я, то ли на мину наскочили, то ли шальной снаряд прилетел. Помню взрыв, потом я лечу куда-то и падаю. И темнота.

...Очнулся я нескоро, уже ночь была. Луна показалась. Себя ощупал, вроде всё цело, только в голове шумит. Повезло мне, думаю.

Пошёл я посмотреть, может, кому помощь нужна. Только не надо, похоже, было никому помощи. Все полегли! Воропаев, водитель, Круглов, оба конвойных. Все мертвые.

Кинокамеру кругловскую нашел... Вся она в осколках была! Потому и повезло мне, что она передо мной лежала. Всё, что мне предназначалось, ушло в эту камеру. Спасло меня крепкое немецкое железо...

В общем, сел я тогда возле дороги и задумался. Вдруг стон слышу! "Кто же из них?" – думаю.

Оказалось, Круглов. Пришел в себя, но только, чтобы умереть. Минут на двадцать ему жизни оставалось. И за эти двадцать минут рассказал он мне такое, что вся моя жизнь перевернулась с ног на голову!

...Прежде всего взял он с меня обещание, что когда умрет, я его похороню. И на могиле его посажу дубок молодой, а если не найдется такого рядом, то хоть горсть желудей на холмик брошу. Что потом, если жив буду, приеду к нему на могилку, и проверю, растет ли дуб. И если нет, то посажу другой.

А я и спросил: "Зачем тебе?" И рассказал он мне вот что.

...С детства сказывали ему, что где-то между Мологой и Волгой, в каких-то непролазных болотах стоит деревня. Кто из людей в ней живет, никто не знает. Может, она и вовсе пустая. В ней церковь особая, в которой живет какая-то Матушка. Видеть её можно, только если сама она решит тебе открыться. И открывается она далеко не каждому! Но уж если придет к тебе и попросит чего, так в лепешку разбейся, но сделай. И будет тебе за это от неё великая награда. Только он всегда был уверен, что это всё сказки древние.

Потом рассказал, что давно, ещё до войны, колесил он с кинопередвижкой по тем лесам. Служил он тогда в Ленфильме, кинооператором. Вот их с другом и послали в те края командировку, по деревням проехать, показать крестьянам новый фильм. Ты, наверно, и сам видел его. "Волга-Волга" называется.

Карту они в какой-то деревне забыли. Да и проку в ней, по совести, никакого не было! Старая была карта, еще царских времён. К тому же всюю уже шла Стройка... Именно так, с большой буквы! Строили советские люди под мудрым руководством товарища Сталина плотину через Волгу, создавали рукотворное море, Рыбинское Водохранилище. Уже ясно было, что многие деревни под воду уйдут. Да и города! Беловодск, Молога... Леса, поля, монастыри... Кое-кто свои дома уже разбирал, чтобы на новых местах заново строить. Кто-то надеялся, что пронесёт... Вот партия и послала Круглова с его товарищем показать по деревням кино, чтобы люди немного отвлеклись, повеселились, одним словом.

Только людям, понятно, было не до веселья. Слухи гуляли, один страшнее другого. Говорили люди, что вся их земля теперь под воду уйдет. Что чуть ли не новый потоп будет! Так что кино веселое совсем не помогало! Скорее наоборот... Часто в новом селе председатель Круглову с напарником так и говорил, уезжайте, мол, отсюда, чтобы народ почем зря не собирався. А то придут на площадь вроде кино смотреть, а потом еще буяннить начнут. Пусть уж лучше по домам сидят...

Так вот приехали они в одну деревню большую, да и уехали несолоно хлебавши. Нашли лесную дорожку и двинулись по ней наудачу, полагая, что куда-нибудь приедут. И приехали.

...Небольшая деревня, но очень ухоженная. Избушки, как в сказке, ладные, высокие, с резьбой на окнах. Улочка подметенная, деревянная церковь на площади. Только замок на её дверях висит. Ну, сейчас все церкви закрытые стоят.

И никого! В домах пусто, собаки не лают, петухи не поют. Жутковатая деревня, одним словом.

Вдруг, откуда ни возьмись, кот! Огромный, рыжий с белым. И сразу видно, ручной, об ноги трется, мурлычет.

"Ну что, кот ученый, хозяин-то у тебя есть?" – спросили в шутку.

Кот и привел их к старой, покосившейся избе. Вышел из неё старик с бородой.

"Ну что, дед, хочешь кино посмотреть?"

"Хочу! – каким-то неожиданно молодым голосом ответил тот. – Сто лет кино не видел!"
И дает рубль. Обычный советский рубль!

Отсчитали деду сдачу, и пошли настраивать свою технику. Думали, что он сельчан приведет. А только кроме него, никто и не пришел! Хотели уже сворачиваться, но дед вдруг воспротивился. Деньги, говорит, взяли у меня? Взяли. Значит, крутите кино.

Ну, прокрутили. Когда же закончили крутить, смотрят, что подле деда женщина стоит, с котом на руках. Тем самым.

"Хорошее кино у вас, детушки, – говорит. – Веселое. Только не время вам веселиться. Много горя ждёт вас! И прочих всех... Так что смотрите, крови невинной не проливайте. Иначе не приму вас!"

Тут Круглов и спросил невпопад: вы, гражданка, будущее, стало быть, видите. А прошлое можете? Брат мой где погиб, можете мне сказать?

"Жив твой Петруша, – ответила женщина. – Ещё встретишь его. Он тебя попросит кое о чем, так ты уж уважь его, не отказывай!"

Он ещё что-то хотел спросить, да не решился. Потому что внезапно понял, с кем говорит.

Сказки детские вспомнил! Как мать ему рассказывала, что Матушка эта вроде как святая. Только может даже и больше, чем святая. И про то, что раньше почитали люди Матушку так же, как и Христа.

А может, и более... Потому как Христос далеко, а Матушка рядом. Да ещё потому, что когда какой добрый человек помирает, то Матушка на его могилке дубок сажает. И пока растёт тот дубок, человек вроде как в нем живет. В ад не попадает!

Только как себя вести, если повстречаешь Матушку, в тех сказках не сказывали. Так что застыл он столбом, пока друг с аппаратом возился.

А та аж засмеялась: "Никак напугались чего, ребята? Не бойтесь, не обижу я вас. За то, что повеселили нас, спасибо. Хорошее кино привезли! Я бы ещё разок посмотрела. Но это уж в следующий раз давайте. А коли сами не сможете, кого другого пришлите. Я ждать буду!"

И пропала. И дед отчего-то разрыдался, ушел.

Вроде бы стояла она только что тут, а уж и нет никого! Куда делась – непонятно. Только кот сидит, нализуется. Ну, у кота же не спросишь.

Уехали они. В других деревнях кино показывать. Хотели сперва местных расспросить, да не стали. Время такое было, сам знаешь, за лишние вопросы можно было и голову потерять. А скоро он и позабыл про всё, что видел и слышал в той пустой деревне.

А тут, говорит, как брата встретил, всё вспомнил! И просьбу брата выполнил, как велено было.

В общем, бредит бедняга, подумал я. Вдруг он сказал мне: "Пришла всё-таки!" И смотрит куда-то в сторону. Я оглянулся – никого. Кто, спрашиваю, пришел?

Он не ответил. А потом вдруг сказал: "Как попадешь в беду – Матушку зови. Она услышит!" И умер.

Как рассвело, похоронил я их, документы и оружие собрал, и пошёл потихоньку в штаб. На полдороги вспомнил про желуди, но возвращаться не стал. Сам посуди, я ведь после такой контузии, да ещё и две винтовки несу, пистолет воропаевский, планшет его с документами. К вечеру только и добрался, чуть живой.

И пошёл сам в Особый Отдел, и сам обо всём сообщил в подробностях. Дурак был, одно слово.

Нет бы сказал, что всё было как надо, что просто на обратном пути на мину наехали. Меня бы в госпиталь направили, наверное.

А так на допрос я попал. Да на какой допрос...

Жаль, не запомнил я того офицера, кто со мной в ту ночь работал. Ни звания, ни фамилии. А может и хорошо, что не запомнил. Взял бы ещё один грех на душу, потому что до сих пор его убить хочу.

Сходу обвинил он меня в убийстве капитана Воропаева и двух красноармейцев, в пособничестве немецкому шпиону Кугелю, и до кучи в диверсии. Полуторку ведь подорвал кто-то! Значит, кому-то и отвечать.

Я ещё улыбнулся. Всё не так было, говорю.

"Смешно тебе? – спрашивает. – Ну-ну"...

Отделал он меня, как бог черепаху. Зубы передние выбил, потроха отбил. Больно было... Ни говорить, ни глотать, ни вздохнуть глубоко. А я ещё Воропаева злым считал, потому что у него голос был громкий.

Однако перестарался тот офицер немного... До такой степени заработался со мной, что я не то что протокол подписать, руку поднять не мог. Так что отволокли меня в камеру с обещанием продолжить с утра.

Никого там, в той камере, кроме меня, не было. Видимо, долго в ней никто не задерживался. Так что некому мне было ни пожаловаться, ни поплакаться, ни помощи попросить. Да и кто мне в моем положении поможет? Разве что товарищ Сталин приедет...

Только не ездил Сталин на фронт. Гитлер, вот, ездил, а Сталин нет.

Вот и вспомнил я тогда, как Круглов мне напоследок сказал: "Матушку зови!" И позвал. Тихо, конечно, шепотом. Сквозь зубы выбитые...

И заснул сразу. И снится мне, что я и не в камере вовсе, а в чистой комнате большой, сижу за столом. А напротив меня женщина в расшитом платье старом, сейчас такие только в музее увидишь.

"Здравствуйте," – говорю.

А она молчит, смотрит на меня и кивает тихонько. Потом подошла, меня по голове погладила.

"Всё будет хорошо! – говорит. – Зубки покажи!"

Я улыбаюсь, показываю. Зубки мои на месте. Во сне то я целый!

"И про желуди не тревожься! Я Павлуше сама дубок посадила!"

А я уж и забыл про то!

"Как война кончится, приезжай, – говорит. – Лёвушка дорогу покажет. Только кино не забудь!"

Тогда и проснулся я.

И не поверил! Нигде ничего не болит! Зубы все целые! Решил, что я всё ещё сплю. И потом ещё долго думал, что сплю. Потому что чудеса кругом творились!

Во-первых, вызвали меня на допрос, а там целый майор сидит, начальник Особого отдела дивизии Яковлев, я его знал.

– Расскажи, как всё было! Только врать не надо, не люблю.

Я и рассказал. Сон ведь, зачем врать?

– Место, где всё было, показать можешь?

Да, конечно, могу! Только на машине надо ехать, далеко.

– Едем, – говорит Яковлев.

Приехали, там всё на месте. Полуторка развороченная взрывом, кинокамера, что мне жизнь спасла, холмик могильный.

И дубок возле него. Вот, честно, не было же дубка! Я ведь яму лопаткой копал, по кругу шел, я бы его точно сломал!

Ну, собственно, что удивительного, сон и есть сон. Во сне всё, что угодно, возможно.

Велели мне раскопать могилу. Все тела осмотрели, всё записали. Поставили кол с табличкой, я сам на ней фамилии нацарапал. И дату смерти, на всех одну. А как забивал я кол в

землю, заехал себе молотком по пальцам. Тут только и понял, что не сон это, а на самом деле всё. Как на ногах тогда устоял, и не знаю. Но устоял.

Стал я снова писарем при Особом отделе. А скоро и война кончилась. Вернулся домой, целый, здоровый. Вроде какой и был всегда. С медалями. Только улыбаться я с того дня перестал. На всю жизнь перестал!

Рассказ Юрия Данилыча. Окончание.

Поезд меж тем доехал до Кропачёво, большой станции. Стоянка пять минут, как сказала проводница.

– Что-то в горле у меня пересохло, – покачал головой дед. – Схожу-ка я в буфет, может у них пиво есть.

– Так вряд ли, – пожал плечами Серега. – У нас ведь трезвость сейчас. Горбачев вот...

– Ну, это мы увидим, – сказал дед. – Мы же русские! Суровость законов компенсируется необязательностью их исполнения! Салтыков-Щедрин сказал. Читал?

И быстро вышел.

Серега Салтыкова-Щедрина, конечно, читал. Но такой фразы прежде не встречал. Не было её в сказках про пескаря, карася и двух генералов.

"Да, вот бы кому сказки писать! – подумал он о своем попугайчике. – Надо бы ему намекнуть, ведь такой талант пропадает!"

Когда Юрий Данилыч принес четыре бутылки "Жигулевского", да ещё и холодного, Серега опешил.

– Ну вы просто волшебник! – восхищенно сказал он.

– Не люблю это слово, – дед вздохнул. – Да и какое тут волшебство! Дал три цены, и всё. Ну что, пивка-то выпьешь? Или как?

Отказываться было уже и вовсе невежливо.

...– Ты, наверное, думаешь, с чего ради я тут перед тобой душу раскрываю? Не знаю, правда. Только вот почему-то чувствую, что именно тебе про это всё узнать очень важно. Как будто что-то от тебя будет потом зависеть, что никто другой сделать не сможет. А ещё потому, что и не знаю, смогу ли кому другому рассказать. Потому что камушек прилетел...

Так что слушай дальше!

Как война кончилась, вернулся я домой, в Омск. Только дома мне плохо было. Отец с матерью ругались часто, уж и не помню из-за чего. Жениться – так это ещё и девчонку в эту свару втянуть. В общем, уехал я. В Ленинграде в Речное Училище поступил.

Там-то, в Ленинграде, я и женился. Как закончил учиться, стал по рекам нашим ходить. Контора наша в Куйбышеве была. Всё наладилось понемногу.

Работу свою я очень любил. Да и сейчас люблю! Реки наши удивительные! Волга, такая широкая, прямо как море! Плёт, который Левитан писал. Утёс Стеньки Разина в Волгоградском море. Канал имени Москвы. Ты как-нибудь прокатись на теплоходе, не пожалеешь.

Зимой, правда, речник скучает, дома сидит. Суда на зимотстой встают, ждут весну.

Так и прошло лет пятнадцать. Я быстро капитаном стал, на толкаче.

Толкач – это такой буксир, только на реке он не тянет баржу, как в море, а толкает её. Очень удобно, пригонишь её с грузом в порт, оставляешь и цепляешь другую, выгруженную. Или уже чем другим загруженную.

И надо же такому случиться, что дали мне рейс в Беловодск! Тут и припомнил я рассказ бедного Круглова. А то, по правде сказать, я и забыл уже о нем.

Беловодск – место не особо интересное. Скучное место, даже Гоголь про него писал, что захоlustье там. К тому же, старый город затопило, новый построили повыше, но красоты это ему точно не добавило.

Зато вода поднялась, глубины выросли. Теперь и мы туда по осадке проходили.

Пришвартовали мы баржу, а груза для неё нет. Должны бревна в плотях пригнать, а не пригнали пока. Ждать надо. Дня три, как минимум. А то и неделю!

Решил я порасспросить в порту народ, не слышал ли кто про Матушку. Смеялись они. Ничего путного не сказали.

Пошел в город. Но не станешь же прохожих расспрашивать! Я уже хотел рукой махнуть, да вдруг увидел бабок на лавочке. Уж если эти не знают, пойду обратно.

Бабки как-то хмуро на меня посмотрели. Словно бы оценивающе. Спросили, что я про неё знаю.

Я и сказал, что спасла она меня. Что к себе звала, говорила, что Лёвушка какой-то дорогу покажет.

Вдохнули бабки. Словно с облегчением.

– Так и ступай к Лёвушке! Деревня Протоки. Там спросишь.

Какие такие Протоки, спрашиваю?

Оказалось, не ближний свет деревня. Дороги к ней нет, в нашем понимании. Автобус не ходит, только автолавка два раза в неделю.

Мне бы махнуть рукой, но разве можно так? Пройти мимо чуда настоящего?

Так что добрался я до этих самых Проток! Ну что тебе сказать... Деревня как деревня. Куры бродят, козы. Избушки старые, в землю вросшие. Заборы покосившиеся. Дом этого самого Лёвушки мне сразу показали. Это у них вроде как достопримечательность была.

Сам Лёвушка оказался не таким уж и старым. Обычный деревенский мужичок, в армейском кительке. Сапоги, кепочка. Гладко выбритый. На вид лет пятьдесят ему тогда было, почти как мне.

Встретил он меня в воротах, как будто ждал.

– Принес? – спрашивает.

– Что? – не понял я.

– Про кино помнишь? Тебе же сказано было!

– Какое кино? – Я удивился. – Кем сказано?

– Тебе Матушка сказала: "Кино не забудь!". Ты что, забыл, что ли?

Я аж присел тогда!

– Да как же я сюда кино привезу? – отвечаю. – У вас тут и электричества-то, поди, нет!

– Розетку мы тебе найдем, – говорит дед. – Так что возвращайся. Да найди кино повеселее! Мы подождем.

Вот так задачка! Это сейчас ведь видеоманитофоны появились. Можно в телевизор провод воткнуть и смотреть. А тогда ничего такого не было. Семьдесят четвертый год! Да и сами телевизоры ещё мало у кого были...

Правда, у нас на буксире был кинопроектор. Тяжелая штука! И капризная... Только выбора у меня не было.

Вернулся к себе, позвал боцмана, он у нас кино крутил по воскресеньям, налил ему. Тот напрягся.

"Знаешь, – говорю, – тут у меня родня отыскалась. Хочу им сюрприз сделать. Кино показать. Возьму на денек наш проектор. Ты меня научи, как им командовать, – смеюсь. – Ивана Васильевича хочу своим показать!"

Неожиданно Юрий Данилыч замолчал, закрыв глаза руками. Потом продолжил.

...– Ты, наверное, смотрел это кино. Хорошее, смешное, правда ведь? Вот и я так думал. До того дня...

И ведь как всё удачно сложилось! С проектором я разобрался. Парень с автолавки согласился меня отвезти, а на следующий день обратно забрать. Бревна наши до нас ещё не доплыли, стоим, ждем. Так что взял я аппарат, "Ивана Васильевича" на двух бобинах, два удлинителя и поехал.

Опять Лёвушка этот меня ждал. Улыбнулся мне.

– Вот видишь! А ты говорил, никак! Заноси сюда, в дом!

– А Матушка придет? – спросил я.

– Придет, придет, – успокоил он. – Как начнешь показывать, так и придет. Не волнуйся!

И розетка нашлась рабочая, а то я сомневался, что до этих самых Проток лампочка Ильича добралась. Так что установили мы аппарат, растянули простынь большую вместо экрана, поставили бобину и стали смотреть...

Фильм ведь очень смешной, так? Ну и мы смеялись от души с Лёвушкой. До того момента, как царь появился.

Я, если честно, нашу историю особо не жаловал. Что там интересного, в старых сказках копать. Скучной она мне казалась, медленной, что ли. Тысяча лет прошла, а страна как была, так и оставалась без дорог, без городов настоящих, без движения, что ли. Русь не шелохнется, словом.

Только и были в памяти Александр Невский, за то, что немцев разбил, да Петр Великий, за победу над шведами. Да ещё Иван Грозный, которого все боялись.

И надо же такому случиться, что когда фильм дошел до того момента, как царь в лифте дверь крестил, у нас свет потух.

– Опять пробки вышибло! – встревожился Лёвушка. И убежал куда-то во двор. А я над аппаратом склонился.

– Ну как, смешное кино? – слышу вдруг.

Поднял я глаза и вижу, в углу на стульчике женщина сидит. Та самая, что во сне мне тогда привиделась! И кот у неё на руках!

– Здравствуйте, – говорю. – Вы не волнуйтесь, пожалуйста, сейчас Лёвушка пробки проверит...

– Да пускай проверит, – согласилась она. – Лишним не будет! А пока он ходит, я тебе своё кино покажу. Оно, конечно, не смешное совсем. Но ты не бойся! Ты только чужими глазами на всё посмотришь. А то вы забывать начали...

И тут вокруг меня вдруг всё пропало! Дом, аппарат, женщина – всё исчезло! Только я сам и стою на том же месте. А вокруг меня всё другое!

Во-первых, зима! Холодно очень. На мне, правда, одежда теплая, шапка меховая, варежки. И... борода у меня!

Люди вокруг стоят, много людей. Одеты тепло, но совсем неказисто. Вроде бы в тулупы, только очень грубые, просто шкуры какие-то вонючие, шапки лохматые. Мужики с бородами все, бабы в платках, юбки до пят. Плачут, причитают. Похоже, хоронят кого-то.

Я стою, озираюсь, не понимаю, что со мной.

– Что приуныл, Фёдор? – спрашивают меня. – Жалко отца Никифора?

– Жалко, – отвечаю я.

– Да, не дотянул старик до Рождества, – говорит мне ещё кто-то. – Кто ж теперь вас с Ульяной обвенчает?

– А мне дитё крестить надо! – кричит рядом баба с кульком в руках. – Как же нам без попа?

...И сразу новая картинка. Поминки, вроде. Полутемная комната тесная, потолки низкие, закопчёные. Стол из грубых досок, какие-то горшки на нем, деревянные миски с ложками. Ни тарелок, ни ножей с вилками, ни стаканов. Люди встают, расходятся.

Я тоже встаю из-за стола, перешагиваю через лавку.

– Фёдор! Иди-ка сюда!

Зовет меня человек. Похоже, он тут старший, его все уважительно обходят, кланяются. Я подхожу.

– Вот видишь, как оно получилось, – тот чешет бороду. – Сам рассуди, без попа нам никак. Ни родить, ни помереть без него нельзя православному! Даже Пасху сами не подсчитаем! Так что надо нам теперь нового!

– Да где ж возьмем-то его? – удивляюсь я.

– Ты вот что, – уже другим тоном говорит старший. – Я свою дочку тебе обещал, и от слова своего не отступаю. Но невенчанными вам не жить! Потому вот тебе мой наказ – ступай до Новгорода, до владыки Пимена! Поклонись ему дарами, что мы соберем, да и выпроси нам нового священника! Путь неблизкий, зима, всё понимаю. Но ждать нельзя! А будет поп – будет тебе и свадьба!

Тяжело вздохнул Фёдор, да и согласился.

...Новая картинка – лошадка медленно бредет по снегу, тянет тяжелые сани с поклажей. Федор держит вожжи. С ним едет дружок, он сейчас спит. Потом они поменяются... Но через некоторое время надо всё-таки остановиться, лошадке тоже спать нужно. Только в пути не встанешь, надо до зимовки добраться засветло, а зимний день короткий.

Вот, наконец, зимовка – древняя избушка на берегу реки, в которой никто не живет. Приют для заплутавшего охотника, беглеца или странника. В ней, кто бы ни был, добрый человек или злой, уходя, всегда оставит дровишек для следующего, немудреную утварь, а то и какие припасы. Уносить отсюда ничего нельзя, как с кладбища.

Переночевали – и в путь. От волков отбились, до деревни какой-то дошли. Там заночевали. И снова в путь. А где-то через неделю добрались и до Господина Великого Новгорода, главного города Северной Руси.

Только что-то неладно в городе! Густой чёрный дым поднимается в нескольких местах. И тишина в воздухе висит – гнетущая, плохая какая-то тишина.

Дальше проехали, смотрят – человек в снегу! Мертвый, уже заledenел весь. Головы, почитай, нет у него – чем-то тяжелым снесли. А впереди ещё торчат из-под снега руки чьи-то...

– Иди-ка, спрячься с санями куда-нибудь, – говорит Фёдор спутнику. – Видно, напал на них кто-то. Пойду, разведую.

Идет он и глазам не верит. Везде лежат люди русские – мужики, бабы, старухи, даже дети малые. Лютый враг, видно, напал на новгородцев, никого не пощадил.

Вот изба была, видно, богатая, в два яруса, с резьбой на окнах, с конем на крыше. Только конь и остался сверху, спалили всё, рухнула крыша внутрь. Если кто и прятался там, сгорел заживо.

И будка, а перед ней на цепи мертвый пес скалится. Из боку стрела торчит. Честно защищал хозяина, да не совладал с ворогом.

Берет Фёдор стрелу, хмурится. Наша стрела, не немецкая, не татарская. Что же здесь было?

Вот Детинец, крепость, что возвел в Новгороде Великий Князь Иван, дед нынешнего. На совесть сладили стены, башни, ров глубокий. Только и Детинец не спас горожан. Всюду мертвые лежат...

И что непонятно – везде только новгородцы! Ни одного чужака поверженного не увидел Фёдор. Почто не защищали себя?

Святая София, главный храм города. Двери распахнуты, ветер ледяной внутри гуляет. Мертвый дьякон так и лежит на аналое, уткнулся лицом в старинную книгу. Верно, мечом его ткнули, со спины. Кровь залила страницы, только в самом низу можно прочесть:

"Тогда возложат на алтарь твой тельцы".

Да кто же учинил такое?!

Жарко Фёдору, как снял в Храме шапку, так и не надевает её, идет, мнет в руках. А идет он по мосту на другой берег, к Торжищу, на котором всегда было не протолкнуться. Отсюда уже слышно было, как купцы товар свой нахваливают. Как скоморохи в свои дудки гудят.

А тут – тишина. Остановился Фёдор, на мосту, прислушался. Вниз посмотрел. И чуть духа не лишился.

...Под мостом прорубь, льдом уже затянулась. А в этой проруби вмерзли в лед люди. Девки молодые, детишки, купец-немчин... Как будто в аду.

Сил уже нет, но идет Фёдор на тот берег. Словно чувствует, что там ждёт его кто-то. Кто поведает ему, что здесь было. И что делать теперь, подскажет.

И вдруг видит – церковь стоит, розовая! В ней дверь открыта, и огонек внутри! Значит, есть там кто живой! Спасибо, Господи!

Но и в церкви пусто. Ни живых, ни мертвых не видать.

Только горит же лампадка перед иконой! А икона странная. Не писаная, а вырезанная из дерева. Женщина в длинном платье, в кокошнике. Позолоченная. На видном месте, а тати не тронули.

Перекрестился Фёдор на икону, положил три поклона земных, как полагается. Как ей молиться, не знал, так и сказал только:

"Помоги мне, Матушка! Вразуми, что здесь было! И кто виной всему?"

И вдруг шепчет кто-то:

"А ты что про Матушку знаешь?"

Обернулся Фёдор и видит – в углу сидит чернец! Монах старый.

Раньше побаивался он монахов. Всё боялся, что они его к себе заберут, заставят жить по-своему, заточат в келью, где и солнышка не видать. А тут так обрадовался Фёдор!

"Благослови, батюшка! Так мы всех так зовем! Матушка Богородица, Матушка Анна, Матушка Параскева! А что случилось с вами? Кто напал на Новгород? Неужто татары вернулись?"

Вздыхнул монах.

"Бог благословит... Видишь, за всё у Господа награда положена. Вот нам по делам нашим и награда. За сребролюбие, за тщеславие, за гордыню непомерную! За блуд и скупость! За все грехи наши!"

И зарыдал горько. Потом продолжал:

"Только не татары это. И не немцы, и не поляки. Это Великий Князь Московский, Иван Васильевич, в наш город приехал. Милость нам оказал великую!"

Опешил Фёдор.

"Так что же не защитил он вас? Или сил не хватило?"

Чернец лицо руками прикрыл.

"Сил... Сил у него, антихриста, хватило! Привел он с собой войско, да не из людей, а из бесов кровожадных, не ведающих жалости. Обвинил нас в том, что хотим передаться под власть короля польского, завести в церквях обряды латинские. Что его самого убить злоумышляем, а на престол московский его брата посадить!"

Владыка крест целовал перед ним, в верности клялся, но князь не верил ничему. А после и вовсе рассвирепел, и повелел войску своему наказать Новгород так, чтобы и памяти о нас не осталось!

Три недели вершился суд неправый над нами. По-всякому терзали людей, ни в чем не виноватых. Вчера только ушли они. Верно, та же судьба и Псков ждёт, если чуда не случится".

"А как же владыка?" – ошеломленно спросил Фёдор.

"Нет здесь его, – ответил монах. – Князь его в монастырь отправил. А прежде сана лишил!"

"А разве можно так?"

"Теперь всё можно, – вздохнул чернец. – Ибо дана будет власть дьяволу на тысячу лет!"

"А как же мне быть? – растерялся Фёдор. – Кто же нам священника даст?"

Всё рассказал он монаху! Что осталась их деревня без батюшки, что надеялись на владыку, что нельзя православным людям без окормления. Тот задумался.

"Знаешь, что, – сказал он. – Есть у меня к тебе просьба одна! Пройди по домам, покричи людей живых. Если кого найдешь, позови сюда. Скажешь, отец Василий с Пятницкой церкви зовет. Может, придет кто... А я помолюсь пока."

Вот в заходит Фёдор в первый дом, зовет. Тихо, нет никого. В другой, третий... Нет ответа! Уже и отчаялся, пошёл обратно. Слышит, из будки собачьей вроде плачет кто. Щенок там, что ли, остался?

Заглянул, а там детки! Двое! Спрятались, видать! Скинул с себя Фёдор тулуп меховой, завернул в него обоих, да так и занес их в церковь!

Сидит старец в углу, где и был. Не двигается. Не помер ли?

Нет, пошевелился вроде.

"Детки... Это Козьмина Егора, купца богатого... Добрый человек! А я думал, не тронут его..."

Вдруг монах резким движением снимает с себя крест!

"Неси! Теперь это твой! И дети эти – тоже твои!"

Встал, надел крест на Фёдора, перекрестил его. И крикнул:

"Аксиос!"

И эхо, отразившись от высокого потолка, повторило:

"Аксиос! Аксиос!"

"Ты и будешь у вас священником, – прошептал монах. – А если кто усомнится в тебе – не осуждай того. Но будь таким, чтоб никто не усомнился! И о детях позаботься как следует!"

И медленно опустился на пол.

"Благослови, отец Фёдор, – прошептал он. – Станет плохо – молись! В беду попадешь – Матушку зови! И икону её с собой бери. Память тебе будет о Новгороде..."

Тут повернулся Фёдор к иконе, а вместо неё сама Матушка стоит!

– Посмотрел? – спрашивает.

– Посмотрел? – спросила Матушка.

Тут только и вижу, что снова я в комнате, стою над своим аппаратом. Лето жаркое, тишина и покой кругом! Как не было ничего...

– Я пробку поменял! – кричит со двора Лёвушка. – Включай скорее!

Это что же? Пять минут всего прошло? Или меньше даже?

Только смотреть кино сейчас меньше всего хочется.

– Да нет, – отвечаю, – сломалось у меня что-то... Придется в ремонт нести!

Матушка улыбается.

– Наверно, хватит с меня кино вашего, – говорит. – Не вези больше. Неправда там всё! И сам поменьше смотри!

– Как же так? – Лёвушка недоумевает. – Хорошее же кино!

И что мне ему сказать? Как передать то, что я видел?

– Матушка, – спрашиваю, – а что Фёдор? Женился ли?

А она так на меня смотрит, с улыбкой:

– Ты возвращайся ко мне! А то и Лёвущке помощь нужна будет. Как камушек прилетит, приезжай. Тогда и узнаешь...

И нет ее. Вот так!

...Вернулся я, сдал аппарат боцману; техника, к счастью, не поломалась. Там и лес в плотях подогнали, грузить начали. Всё вроде такое же, как и было.

Только я сам другой. Вот ведь, войну прошел, всякое видел, а такого ужаса, как в Новгороде том, и представить не мог. А мы все смеялись... Ну царь, ну Грозный. Что здесь такого? Ведь так, Серега?

Но Серега заснул. Слишком долгий был день, утомительный. Так что рассказ Юрия Данилыча дослушать ему не довелось. Но тот не обиделся.

– Ничего, парень, поспи! – улыбнулся он. – Всё хорошо будет! Матушку проси, если что...

– Матушка, – прошептал парень во сне. – Помню...

Юрий Данилыч встал. Вынул из кармана деньги, пересчитал. Вздыхнул, ещё раз пересчитал. Взял один червонец и аккуратно, чтобы не разбудить, засунул Сереге в карман.

– Прости, больше не могу, парень. Мне ещё в Беловодск ехать... Прилетел-таки ко мне камушек! Прощай, может, ещё и встретимся...

Встретиться снова, однако, им было не суждено. Серега мирно проспал до Вязовой, где ему надо было выходить. Проводница долго будила его.

Кажется, был у него попутчик... Ну да, дед старый, такой выдумщик! Столько всего наговорил! Про войну, про Ивана Грозного. Про Матушку какую-то, которая всем помогает. Да, ещё ведь и камень в поезд бросили, чуть не убили! Ладно, чуть-чуть не считается! Поживем еще! Только где бы сто рублей найти...

Серега порылся по карманам. Надо же, ещё червонец! Жаль, что один! Но уже легче стало.

А с долгом удачно вышло. Комвзвода, молодой лейтенант, купил у Сереги за восемьдесят рублей часы электронные. С кнопками! Такие тогда только в Москве и Ленинграде можно было достать. Так что всё обошлось!

Всего два месяца прошло, и Серега демобилизовался. Новая жизнь началась, интересная! И воспоминания о том дне отодвинулись ещё дальше. Хорошо хоть совсем про то не забыл...

Виток второй. Между прошлым и будущим.

Как-то иногда кажется, что сейчас людям живется скучно. Серо, буднично, тоскливо. А вот двадцать лет назад было, мол, совсем не так. Кипела жизнь, бурлила! Включаешь телевизор поутру – и не оторваться от него! Здесь кого-то грохнули, там что-то взорвали, где-то полыхнула очередная войнушка. Интересно жить было!

Человек разумный скажет – да ну его, такой интерес! А если у нас во дворе рванет? Или, не дай Бог, война? Да не в телевизоре, а на твоей улице?

Но только с разумными людьми в то время случилось что-то странное. Как будто разум их отодвинулся на время в сторону, уступив свое место желанию всё изменить, срубить полегкому денжат или просто взять от жизни побольше.

Есть такая поговорка украинская: "Нехай гирше, аби иньше!" Вот по ней тогда и зажила огромная страна.

Конечно, можно попытаться понять людей. Столько времени терпели, жили в нужде, ни одежды красивой, ни обуви, ни жилья нормального. Про автомобиль даже мечтать не могли! Но было универсальное средство, которое всегда русскому человеку помогало...

И кто знает, как бы жил Советский Союз дальше, если бы молодой Генеральный Секретарь не начал с этим средством бороться. Всё ведь для блага народа, не пейте больше, граждане!

Не сразу, но понемногу стали пить поменьше. Посмотрели трезвеющими глазами на себя, на страну свою – и ужаснулись.

А ведь, если честно сказать, не так уж и плохо жил тогда русский человек. Всё-таки все сыты были, одеты-обуты, не скитались из города в город. Всяко лучше жили, чем деды-прадеды.

Только и запросы ведь у людей выросли! Это дед с бабкой, когда молодые были, радовались, что война кончилась. Это отец с матерью плакали от счастья, когда Гагарин в космос полетел. А теперь стали спрашивать люди друг у друга: "Да зачем нам вообще этот космос? Сколько денег туда уходит!"

И надо же, того, кто такое спросил, даже не наказали никак! И осмелел народ... В газетах, что ни день, новые разоблачения! Всех ругают: Хрущева, Сталина, Брежнева! Перевернешь страничку – там расскажут, как хорошо живут немецкие ветераны, которые вроде как войну проиграли. И как плохо – наши победители. А в конце каждой статьи – когда же все кончится? Доколе? Перемен требуют наши сердца!

Вот в такую страну и вернулся из армии Серега Плахин. И крепко задумался...

Вроде бы ты уже взрослый, надо зарабатывать, создавать семью. Только ты ведь пока ничего не умеешь! Пойти учиться – значит, ещё несколько лет сидеть на материнной шее. Зарплату ей, казалось бы, добавили, только и цены на всё выросли. А многое и вовсе пропало, нигде не купить! Надо как-то самому устраиваться в жизни...

Ну, для этого ведь и есть семья! Чтобы помогать друг другу в трудную минуту. Деньгами, советом, но самое лучшее – с работой!

Как-то раз пришел в гости к Плахиным дядя, майор милиции. Мать пожаловалась братцу, что Сереже никак на работу не пристроиться. Так дядя обрадовался!

"Давай, – говорит, – к нам! Ты же спортсмен, отличник боевой и политической! Нам такие нужны!"

На беду, работал дядя Слава не в уголовном розыске и не в ГАИ. Был он замначальника большой колонии для заключенных, известной всем посвящённым под смешным именем "Железка".

Так Серега стал не просто сержантом, а сержантом милиции. Правда, сперва на должности рядового, но с сержантскими надбавками. Понемногу выслужился до замкомвзвода. Деньги платили нормальные, по тем временам, конечно.

Проработал в колонии Серега всего два года. Потом уволился по собственному. И о той странице своей жизни рассказывать никогда не любил. Ну, и мы не станем.

Кроме одной истории.

...Вот, после дежурства шел он домой. Видит, на скамейке женщина сидит, плачет. Ну, плачущая женщина у ворот "Железки" – дело обычное. Только что-то остановило Серегу...

"Мой же мальчик, он же ни в чем не виноват, он такой домашний! – причитала женщина, – А его сюда! Его тут бьют, унижают, а никто с этим не разбирается! Он говорит, что больше терпеть не может, руки на себя наложит! И срок подошел на УДО, так отклонили! Может, вы поможете? Мы в долгу не останемся!"

Мальчика того звали Володя Козулич. Кличка "Козлик".

...Тюрьма – мир страшный. За каждое слово надо ответ держать. Тут называли тебя козлом, а ты стерпел – так ты и есть козел! Со всеми грустными для тебя последствиями...

А уж если тебе такую кличку дали – так драться тебе смертным боем с любым, кто тебя позовет. Пока все не уразумеют, что надо бы дать тебе другое прозвище, подходящее для тебя.

Драться Володя не умел. И потому сразу определили ему место под нарами, возле... ну, так скажем, отхожего места.

И уж совершенно точно, что по делу попал Володя за колючий орнамент. Спекуляция валютой в особо крупных, в составе группы. Статья 88, часть первая. И срок в два года с конфискацией, минимальный по этой статье, он получил только за деятельное раскаяние. Иначе говоря, заложил Володя всех, кого знал.

По делу, похоже, дали кличку!

Только мать его Сереге стало искренне жаль. Кто его знает, как повернется судьба. Может, и его собственная мать так же когда-нибудь плакать будет, и кого-то другого просить о помощи. Так что решил он помочь...

Пришел к дяде, рассказал, так мол и так, взысканий за заключенным Козуличем не числится, есть даже одно поощрение, за оформление стенгазеты, так что формально можно и удовлетворить его ходатайство. Отправить на условно-досрочное.

"А чего это ты за петушка мазу держишь?" – на хорошей фене спросил дядя Слава.

Серега опешил.

"Испугался? – рассмеялся тот. – Не кипешуй, всё путём. Вот представь, ты разведчик в чужой стране, где все говорят на своем языке! Они, скажем, обсуждают, как тебя убить, а ты не понимаешь ничего. Так что я учу этот их язык поганый, чтобы всё про них знать! И ты учи!"

Хотел Серега сказать, что знать чужой язык можно, но со своими лучше на своем языке разговаривать, но не стал.

"Так точно!" – ответил.

"А этого я помню, я сам его рассматривал, – задумчиво произнес дядя Слава. – У него кое-каких документов не хватает! Вот, смотри!"

Он взял блокнот, вырвал из него листочек и написал крупными буквами: "1500 \$".

"Сам разберись, а я походатайствую по существу. Такие вопросы начальник решает, но он мне доверяет... – дядя усмехнулся. – Первый документ, – он ткнул в единичку, – вот такого образца! Второй – в свободной форме, на твое усмотрение – он исправил пятерку на шестерку. – Или так, – теперь на восьмерку. – Понятно? Будут документы – будет УДО".

Полторы тысячи долларов – как раз та сумма, за которую Володя Козулич получил свои два года. Изъятая при его задержании, и, разумеется, конфискованная в доход государства. По тогдашнему курсу – зарплата замкомвзвода Плахина за два с половиной года. Так что УДО Козлику явно не светило. Откуда у его матери такие деньги?

Однако, когда Серега позвонил ей и назначил встречу, та страшно обрадовалась. Встретились они. Смущаясь, он назвал сумму:

– Полторы тысячи долларов... На нужды колонии...

– И всего-то? – искренне удивилась женщина. – Подождите!

Вскоре она вернулась.

– Вот! – она дала ему конверт. – На нужды колонии! А это – лично вам. Только не отказывайтесь! Вы же хороший человек!

Во втором конверте было пятьсот долларов. Десять бумажек с мордатой бородатой президентом. Почти годовой оклад! За один разговор...

Серега не отказался. И спрашивать, откуда у гражданки Козулич, кассирши кинотеатра "Рассвет", такие деньги, не стал.

Через месяц заключенный Козулич вышел на свободу. А потом и ещё кое-кто. Серега, несмотря на молодость, был всё-таки очень сообразительным человеком.

Только, пожалуй, чересчур доверчивым. В милиции таким места не было никогда. А уж тем более в "Железке"...

Кто проболтался – Серега так и не узнал. Но в один прекрасный день дядя вызвал его к себе.

"Доигрался! Пиши, – сказал он, – по собственному. Я сам подписи соберу. И свали куда-нибудь потихоньку сегодня же. По прописке чтоб тебя не было! И матери. Через месяц мне позвонишь с автомата"...

На счастье, их с матерью пустили к себе бабушка с дедушкой, родители отца. Даже обрадовались...

А дело было очень серьезное! И не миновать бы Сереге крупных неприятностей, если бы не август девяносто первого. Не до того стало милиции, чтобы ловить мелких взяточников. Министр застрелился, новая власть пришла! Новые должности появились, новые возможности!

Так что о Сереге забыли. Они с матерью вскоре вернулись к себе в квартиру. А дядю Славу с почетом отправили на пенсию. Они встречались пару раз, выпивали. Тогда все выпивали, на радостях, что теперь можно.

Только радоваться, если честно, было особо нечему. Пришла зима, холодная и снежная. Все продукты стали продаваться по талонам, улицы в городе разрыли и бросили. Хорошо хоть свет и воду не отключали.

Чтобы не прерывался стаж, мать устроила Серегу на свой завод. Деньги там платили, конечно, никакие. Но и работа у него была не бей лежачего... Серега сторожил склад, на котором хранили брак.

В самом деле, зачем охранять спутанные мотки медной проволоки ненадлежащей толщины? Их положено проверять, выбраковывать и отправлять обратно на завод-изготовитель. Там проволоку переплавят и накачают по новой.

Всё так, но завод-изготовитель в одночасье оказался в другой стране! Принять проволоку они, вроде бы, не отказывались, но платить за перевозку уже не хотели. Так что склад так и стоял без движения. А скоро замер и весь завод. Электродвигатели, которые они делали, предназначались к отправке в маленькую гордую республику, которая громогласно объявила, что не хочет иметь с Россией ничего общего.

Серега ходил на работу больше по привычке, а ещё потому, что делать было особо нечего. И как-то раз повстречал у ворот своего склада двух очень приятных незнакомцев, вежливых и улыбчивых...

Были они из той самой страны, куда предназначались собранные на заводе электродвигатели. Только интересовало их другое. Та самая бракованная медная проволока, которой был завален Серегин склад.

Учета её уже давно не велось. Сколько тонн меди лежит у него на складе, Серега не знал. Много лежало.

Незнакомцы, которых звали смешными именами Ыльвес и Маргус, сделали ему предложение, от которого нельзя было отказаться. То есть вроде бы и можно было, но... Нельзя! Дают – бери, как говорится.

Есть одна древняя персидская поговорка. "Когда будешь проедать добро господина своего, ешь осторожно, двумя пальцами, чтобы не застряло в глотке. И когда будешь воровать, всегда делись с другими"...

Серега этой поговорки не слышал, к сожалению. А, может, и к счастью. Тут как посмотреть...

Ыльвес и Маргус с грузчиками приезжали каждые два дня. Сначала – на маленьком ржавом фургончике. Через пару недель – на большом фургоне. Через месяц – на здоровенном грузовике с надписью "Совтрансавто". Платили честно, долларами. И каждый раз уезжали набитыми под завязку. А Серега, подсчитывая выручку, думал о покупке машины. Ему очень нравился новый Опель Вектра.

...Спасло его только то, что проволоки было очень много. И продать он успел не более чем треть от того, что ему было положено охранять. Потому что в один прекрасный день дирек-

тору завода наблюдательные люди сообщили о странных грузовиках, которые посещают склад его предприятия по ночам. Директор попросил кое-что проверить. И разобраться, как следует.

...Били Серегу крепко. Хорошо били! В основном, ногами. Если бы летом – забили бы насмерть. А так толстый ватник и шапка-ушанка уберегли. Ну, это ему доктор потом так сказал. Ребра, конечно, поломали, пальцы, нижнюю челюсть. Сотрясение мозга добавили, до кучи. Два месяца в больнице, в общем.

По тем временам мелочь! Тогда из-за трамвайного билета могли убить. А Серега провинился по-настоящему. Так что директору завода он вообще должен был благодарен быть.

Он и был благодарен! Потому что Машу встретил. Медсестру той самой больницы.

...Вот ведь незадача – приходит к тебе чуть не каждый день красивая девушка, а ты ей даже слова не можешь сказать из-за своей замотанной челюсти. Целых два месяца! Так и общались: она спрашивает, а он кивает головой или мотает ею. Да или нет. Потому когда она ему гипс с лица снимала, он сразу сказал:

"Маша, выходите за меня замуж! Я хороший!"

Докторша, которая за столом сидела, прыснула. Но Маша так серьезно на неё посмотрела, что та осеклась. Тактично вышла, оставив Серегу и Машу вдвоём...

"А кто ты такой, Плахин Сергей Евгеньевич? Я ж тебя не знаю совсем! Вот расскажи-ка мне, а я подумаю тогда!"

Долго Серега рассказывал. Не врал. Разве что слегка. Ну, и умолчал кое о чем. Должны же быть тайны даже у самых близких...

Вот так и вышло, что прямо из больницы молодые люди отправились подавать заявление в ЗАГС. А через полтора месяца расписались.

К тому времени уже лето настало. Съездили в Крым, отдохнули как следует. Скоро Маша сказала Сереге, что ждёт ребенка.

Серега смутился. Что, так сразу? А пожить для себя?

Маша его отругала. Для себя вот на отдыхе пожили! Теперь для малыша живем. Ты не волнуйся, тебе-то что? Жди, да помогай жене иногда. Вам, мужикам, всегда везет!

Только Серега считал, что ему не очень-то повезло. Сказать по правде, не так он представлял семейную жизнь. Повеселее, что ли!

А тут – какое уж веселье... Маша очень бережно относилась к себе. Никуда не хотела идти, разве только в парке посидеть. Сереге, понятное дело, в парке было откровенно скучно. К тому же деньги, что заплатили когда-то Ыльвес и Маргус, почти кончились.

Да и характер у Маши изменился. То плачет, то скандалит. Тошнит опять же её постоянно.

Так что при первой возможности Серега из дому уходил. Вроде как работу искать.

А с работой стало совсем плохо. Заводы каждый день закрывались. Людей увольняли. Тем же, кто ещё ходил на службу, задерживали зарплату. Да не на день-два, а на месяцы! Как выживал народ, вообще непонятно.

Это потом стало известно, что задерживали специально, чтобы не разогнать инфляцию. А то все станут всё покупать, цены вырастут, начнут люди ругать правительство. А так цены стоят, доллар стоит, а то, что вам не платят, так сами виноваты. Требуйте у своего директора, чтобы платил вовремя!

Так что вместо того, чтобы идти искать работу, Серега сразу шел к корешам, бывшим одноклассникам.

Тогда много где были проложены здоровенные трубы, то ли с газом, то ли с водой. Прямо по поверхности. И стали те трубы любимым местом для русского мужика. Посидеть, пивка попить, водочки, за жизнь поговорить. Что-то вроде дискуссионного клуба!

...Дружили они втроем. Лёха Стычко, по кличке Водила. Он автомобильный техникум закончил. Пашка Вальков, Историк. Пашка был самый умный в их классе, чуть-чуть до золотой

медали не дотянул. Учился в Герцена, на последнем курсе. Но случая посидеть на трубе тоже не упускал. Оба холостые были.

– Не, мне детей не надо, – говорил Лёха. – Может быть, потом. Лет в тридцать. А пока я погулять хочу!

Пашка молчал. Он был очень скромный, знакомиться с девчонками стеснялся. Казалось бы, в его институте столько девок, глаза разбегаются! А он всё время один. Странно как-то! Серега его специально на свою свадьбу свидетелем позвал. Чтоб он, типа, замутил со свидетельницей. Но не замутилось у них почему-то...

Причина-то была вполне себе понятная. Жил Пашка со своей матерью и бабушкой в одной комнате гигантской коммунальной квартиры на Лиговском. Квартиру ждали, в городской очереди двадцать лет стояли. Как все. И Пашка считал, что вот, когда квартиру дадут, тогда и познакомится с кем-нибудь. Про то, что квартиру можно купить, в те времена никто не думал. Да и денег таких, чтоб хватило на жильё, люди даже представить не могли.

Был тогда такой фильм – "Игла". Там Виктор Цой играл. Говорил, что люди, мол, делятся на две категории. Одни на трубе сидят, пьют, а другие деньги зарабатывают.

Ребята искренне недоумевали. Мы бы заработали, только где? Нигде ведь не платят! Разве что вагоны разгружать. Только там тяжело! Так что пока посидим...

К осени Правительство порадовало граждан невиданной ценной бумагой – ваучером. Взяли, посчитали стоимость всех заводов и фабрик, поделили на всех жителей, да и раздали каждому. Вышло по десять тысяч рублей.

Многие приободрились. Можем стать хозяевами, здорово! Заработаем на ценных бумагах! Как рантье, на проценты поживем!

Да только какие там проценты, если всё закрывается! Денег у предприятий даже на зарплаты не было! Так что продали парни свои ваучеры у метро, и, как показала потом жизнь, правильно сделали. Потому что не для простого человека всё это было задумано, а для, что называется, достойных людей...

Тогда их всех Пашка выручал. Писал он для ленивых студентов своего института за денежку рефераты, курсовые работы, даже один диплом для иностранного студента! Из Перу. Тот ему долларами заплатил. Пашка – парень правильный, всем в долг давал. И отдавать не требовал.

Вот он и дал в тот слякотный осенний денек Сереге в долг аж пять тысяч! Машке на подарок, ко дню рождения. Серега поехал на Невский, поискать чего-нибудь стоящее.

Остановился, задумался. Тут его проезжавшая машина окатила с головы до ног. Зонтик, понятное дело, не спас.

Высказал вслед той машине Серега всё, что думал. Вспомнил уроки дяди Славы...

А машина возьми и остановись! Вылез с пассажирского места человек, показавшийся вроде бы знакомым...

– Ты чё, баклан, рамсы попутал? – сказал человек. И добавил ещё пару фраз, которых парень не понял.

– Жлыга? – неуверенно спросил Серега. – Шалыгин, третий отряд?

– Я-то Жлыга, а ты кто такой? Назовись!

Серега назвал. Человек вроде напрягся, потом рассмеялся, показав золотые зубы.

– Гражданин начальник! – растягивая гласные, презрительно сказал уголовник. – Вот и свиделись, значит! Только здесь ведь не зона, где твои правила. Наш здесь закон! За базар ответ надо держать!

И кулак здоровенный поднял, начал костяшками щелкать. Только Серега не испугался. После склада он уже ничего не боялся.

Кстати, напрасно не боялся! Жлыга был человек отчаянный, дрался всегда насмерть. В зоне не вылезал из ШИЗО. Конечно, Невский проспект не "Железка", но кто знает, как бы всё сложилось, если бы из "Мерседеса" не вылез ещё один пассажир...

– Геннадий, что там у тебя? – спросил тот.

Оказывается, Жлыгу Геннадием звали.

– Да вот, Владимир Вениаминович, старого знакомого встретил, – сплюнув в сторону, процедил Жлыга сквозь зубы.

– Какого ещё... – начал было тот, кого назвали Владимиром Вениаминовичем, глядя на парня. – Не может быть! Сергей Евгеньевич! Плахин! Вот так встреча!

Изумился Серега. Человек в дорогом плаще с широкими плечами, какие тогда крутые носили. Очки дорожные. Бородка, усики ухоженные. Ботинки блестят, и это по питерской осени! Да кто же это?

– Простите, мы знакомы? – спросил.

– Да вы же мой спаситель, дорогой мой! Я же Козулич, Владимир!

Вот ведь оно как бывает... На зоне был жалкий, презираемый всеми, ничтожный человек. А тут вдруг стал очень даже уважаемый бизнесмен, президент компании! Жлыга, который на зоне его ногами бил, теперь у него на побегушках, вроде адъютанта.

– Я же вас искал, хотел поблагодарить достойно, вы же один ко мне по-человечески... Я такого не забываю! Вам, может, помощь нужна?

– Да нет, что вы, Владимир... Вениаминович, у меня всё в порядке! – неуверенно сказал Серега.

– А работаете всё там же?

– Да нет, я пока без работы... Ищу вот...

Хотел Серега сказать, что ищет жене подарок, но не успел.

– Да это же замечательно! А у меня не хотите поработать? В хорошей компании? У нас прекрасный коллектив, большие перспективы! Так ведь, Геннадий?

Тут Серега на Жлыгу посмотрел. И изумился уже по-настоящему! Потому что матерый уголовник, который только что его чуть не убить собирался, ему улыбнулся по-дружески!

– Конечно! Дружим, отдыхаем вместе, помогаем хорошим людям. И зарплата у нас хорошая! – подтвердил Жлыга.

– Вот вам, Сергей Евгеньевич, моя визитка! Сегодня уже поздно, а завтра с утра, к десяти, я вас жду. И вот вам за костюм испачканный... – Козулич сунул Сереге сто долларов. – Не сердитесь, пожалуйста! До завтра!

Сел в машину. Жлыга уже спокойно посмотрел на Серегу, раздумывая, что ли. Потом развел ладони, мол, без обид? Серега кивнул. Без обид!

А с завтрашнего дня началась у него новая жизнь...

Виток третий. Новая жизнь Сереги Плахина.

Начало

С утра, как и обещал, Серега пришел по адресу. Встретил его, к счастью, не Жлыга, а красивая девушка в мини-юбке. Ну очень красивая девушка! Сергей даже на мгновение пожалел, что уже женат...

Она проводила его к кабинету Козулича.

– Владимир Вениаминович любит, чтобы его называли Патрон, – сказала девушка.

– А почему? – удивился Серега.

– Не забудьте, – ответила та. – Вас ждут!

И правда, ждал его тот, и очень обрадовался.

– Что сейчас самое дорогое? – спросил он Серегу.

– Доллары? – неуверенно ответил тот.

– Что вы! – рассмеялся Козулич. – Доллары – это бумажки! Как и все прочие деньги. А самое дорогое – это честные люди. Потому что их совсем мало осталось! И поэтому для честного человека мне ничего не жалко! Вот вы, Сергей Евгеньевич, честный человек?

Вспомнил Серега про денежки в конверте. Как тут ответишь?

– В прошлом у всех были ошибки, – сказал. – Главное – сделать верные выводы, и больше таких ошибок не совершать. Я честный человек, Патрон!

Нахмурился Козулич, но, видно, Серега так на него смотрел, что рассмеялся.

– Вижу, с Ксюшей уже вы познакомились! Прекрасно! Только вы же понимаете, нужен будет испытательный срок. Ну, чтобы понять, на каком месте вы принесете наибольшую пользу компании. Вы ведь на складе работали?

Напрягся Серега. Что он прознал?

– Да, недолго, правда, – ответил он. – Да и склад был бракованных изделий...

– Ну, у нас на складе брака не бывает, – пошутил Козулич. – Надеюсь, вы справитесь!

– И вот ещё, – продолжал он. – У вас, наверное, всё-таки остались какие-нибудь вопросы по поводу прошлого. Ко мне, к Геннадию, к кому-то ещё. Может быть, подозрения какие-то... Я вас очень прошу, воздержитесь от них! У нас компания, которая смотрит в будущее! Всё, что было до того, как вы к нам пришли, должно быть забыто. Прочно забыто. Я, конечно, имею в виду плохое... Добро мы не забываем!

– Я всё понял, Патрон, – кивнул Серега. – Я вас не подведу!

...Работа оказалась совсем нетрудной: с одного склада на другой приезжают фуры с сигаретами. Водитель отдает Сереге накладные, рабочие разгружают большие коробки, Сереге надо все коробки осмотреть, пересчитать, сверить с накладными и записать в книгу. Вот и всё.

Одна беда – все фуры в ночь приходят. За это, правда, надбавка полагается.

Так Серега три дня проработал, вернее, три ночи. По три фуры за ночь, в каждой по пятьсот коробок. Втянулся, ему даже понравилось!

На четвертый день всё было как обычно. Первая фура пришла, вторая... Всё точно, как всегда, по пятьсот коробок в каждой. А в третьей, ну надо же, лишняя коробка оказалась!

Вот так, по накладным пятьсот, а в наличии пятьсот одна. Что делать?

Водила подсказывает, мол, бывает такое, давай скажем, что их пятьсот было. А эту коробку я увезу, продам, у меня свой человек есть. Деньги пополам! Если не веришь, вот, я тебе сразу твою половину отдам!

И деньгами трясет.

Серега отказался наотрез. Вспомнил, как проволоку налево отгружал, и что потом с ним было. Составил, как положено, акт, заставил водилу расписаться. С утра отзвонился в офис, доложил.

Козулич за ним машину прислал.

– Вижу, дорогой мой, не ошибся я в вас! – сказал Патрон, потирая руки. – Вы уж извините, но такая проверка у нас в компании. На вшивость, как говорится, – хохотнул он. – И многих мы после такой проверки, что называется, отсеяли... А вы её успешно прошли! Вот вам подъемные! Пока на складе поработайте, а потом я для вас подыщу новое местечко, более ответственное! – закончил он, протягивая Сереге конверт с деньгами.

Жизнь, определенно, наладилась! Долги он раздал, приоделся, даже кое-какую мебель в квартире поменял. Новый год в компании отметили, девяносто третий. Весело отметили! Всё хорошо, вроде бы...

Только Машка всё время плачет, тебя, мол, дома вообще не бывает. Я целыми днями одна сижу, только телевизор да мама твоя!

Что ей скажешь? Работа такая, никуда не денешься? Так ещё больше плачет. Книги читаешь? Всё уже прочитала, говорит. Ты лучше выходной попроси!

Попросил. Только Патрон говорит, что никак! Работы много, а честных людей мало! Может, на той недельке и получится, а сейчас просто никак!

На следующей неделе Машку в роддом отвезли. Аккурат к восьмому марта родила она дочку. Наташу.

Козулич поздравил, но денег в конверте, как Серега ожидал, не дал. Вместо этого он ему новую должность предложил.

Да, оправдал Серега доверие! Потому что новая должность была, можно сказать, ключевой для компании.

...Неподалеку от недостроенной дамбы открылся новый порт. В него и направлялись из разных стран сигареты для компании Козулича. Сереге надо было контролировать выгрузку, проверять товар, пломбы, и "утрясать с таможей".

Про сложную схему, которая скрывалась под смешным словом "утрясать", говорить не будем. После выгрузки товар следовало растаможить – заплатить за него пошлину. И пошлину, которая была по новому российскому закону откровенно грабительской, платили, но только за каждую сотую пачку. А то и двухсотую! По поводу остального надо было "утрясти". Такое вот дело...

И у него ведь получалось! Их бизнес уверенно пошел в гору, за год компания здорово выросла. Козулич стал появляться в телевизоре, на фуршетах и презентациях. Получил от мэра Почетную грамоту.

Дома теперь Серегу вообще не видели. В лучшем случае раз в неделю. Ну, Машке и самой было чем заняться. Пеленки, ползунки, кашки...

Впрочем, не всё время Серега был, что называется, на рабочем месте. "Утрясать" приходилось ведь не только в кабинетах...

В те времена стало модным решать важные вопросы в бане. Ну, не совсем в бане, а в сауне-люкс. Слово "люкс" тогда безошибочно говорило о том, что в такой бане можно не только помыться, но и хорошо отдохнуть в компании смешливых девчонок. А ещё выпить и закусить. Разомлевший и довольный чиновник подпишет после этого всё, что долго не хотел подписывать у себя в кабинете. Да и в будущем можно будет на него рассчитывать... В одной такой сауне у Сереги был даже специальный день зарезервирован, работы было очень много.

...Так и не понял Серега, откуда Машка про всё узнала. Пришел он как-то домой, она на него посмотрела и сказала только:

"Сволочь!"

Собрала Наташку и в тот же вечер уехала.

Уехала так уехала! Баба с возу, решил Серега. Развелись. Теперь можно в работу с головой уйти.

А работы хватало! Понемногу за два года он стал вторым человеком в компании. А, может быть, и первым. Потому что Козулич вообще от дел отошел, уехал с Ксюшей в Америку, звонил в неделю раз. Все дела Серега сам вел. И людей подбирал.

Звал он к себе работать и друзей, только Лёха с Пашкой к нему не пошли. Лёха только женился, с жены пылинки сдувал, и Серегин график, когда домой по неделе не приходишь, ему явно не подходил. А Пашка сказал, что сигаретами грех торговать, люди от курения болеют, умирают. То есть Серега вроде как убийца какой-то, получается! Пашка в церковь начал ходить, это ему там, похоже, так объяснили. Ну, нет, так нет!

Сам Серега нисколько не задумывался над тем, что они делают. Ну хорошо, не будем мы торговать! Так наше место сразу конкуренты займут! И потом, у нас товар качественный, проверенный. Нынешние сигареты по сравнению с Беломором вообще безвредные! И вообще, кто людям курить бросить мешает?

...Случались и проблемы. То попадется какой-то принципиальный таможенник, который денег не берет, и в сауну не хочет. То конкуренты сговорятся, демпинг устроят. Бывали и наезды в открытую. Для этого была служба безопасности. А для особых случаев, когда серьезные люди были чем-то недовольны, держали Жлыгу.

Правда, у братвы иногда и к самому Жлыге вопросы возникали. Гнилые вопросы, насквозь неправильные... Те самые, о которых Серегу Козулич предупредил в первый день. Вот как-то пустили слухок, что "опомоился Жлыга, на опущенного теперь работает". Жлыга этот вопрос уладил. Нашел и того, кто пустил слухок, и того, кто его дальше понес. Обоих больше не видели. По новой предъявлять не стали. Замяли, короче.

Но всё это была рутина, обычные рабочие моменты того бурного, бесшабашного времени. Решаемые. Со всем они справились, выстояли! Только одного не учли.

...Козулич решил новый для себя рынок освоить. Финансистом стать захотел! Открыл у себя в Америке какую-то подставную фирму. Велел перевести на неё все оборотные средства. Всё говорил, что, наконец, встроился куда-то. Что теперь начнет зарабатывать по-настоящему! Только не говорил, на чем.

...Уже потом, когда всё рухнуло, и у Сереги не было ничего, кроме долгов, растерянных сотрудников и банковских претензий, он узнал, куда так удачно встроился Патрон. Да, самого ведь Патрона к тому моменту уже не было. Наглотался у себя в Штатах с горя какой-то дури, там и похоронили его чуть ли не за казенный счет. И Ксюша там тоже сгинула куда-то.

...Были тогда, в девяностые, такие удивительные ценные бумаги – ГКО. Государственные Казначейские обязательства. С доходом в 100% годовых и больше! В рублях, конечно. Только рубль тогда стоял как штык, шесть за доллар. Получалась просто невообразимая прибыль! Так много разве что на наркотиках можно было зарабатывать. Но за наркотики везде сажают, а тут – никакого риска. Россия – страна возможностей!

Даже на первый, неискушенный, взгляд, это была классическая финансовая пирамида. Ну не бывает ведь такой прибыли в принципе! И хотя весь доход хилого российского бюджета, включая даже западные займы, шел на выплаты процентов по ГКО, все почему-то были уверены в их исключительной надежности. И поэтому быстро скупали на корню всё новые и новые ГКО, которые безоглядно выпускало российское правительство. Что ещё более странно, ведь играли ведь в эту игру вовсе не дурачки, а очень даже умные люди. Которые каждую копейку проверяют! Джордж Сорос, к примеру. Кстати, предпочтение при продаже ГКО отдавали крупным западным банкам. Только под конец допустили и тех, кто помельче.

И вот в компанию этих умных людей в самый последний момент и встроился бедняга Козулич. Сам через это пропал, и всю свою фирму у разбитого корыта оставил.

...Долгое время это событие так и называли – семнадцатое августа. Как одиннадцатое сентября потом. Год можно было не говорить, все и так понимали, о чем речь. В этот день российское государство отказалось выкупать ГКО. Даже за рубли! Так вот... Граждане впервые слышали красивое словосочетание "суверенный дефолт".

...Продав за бесценок склады с остатками товаров и новый дом, в котором так и не успел пожить, Серега отбил от банков. Рассчитал по минимуму сотрудников, отправил всех в срочный отпуск. Даже верный Жлыга ушел, похоже, за старое взялся.

Стал Серега думать, как дальше жить. У кого помощи просить...

И к кому же идти молодому ещё мужику, попавшему в трудное положение?

К тому, кто всегда слушает. К тому, кто всегда поможет. К тому, кто жизнь положит, а тебя спасет!

К маме. Да, по совести сказать, идти было больше и некуда.

...Серега маму, конечно, не забывал. Подбрасывал денюжат время от времени, сделал ремонт в старой квартире. Купил путевку в Турцию, но маме там не понравилось. Шумно ей там было, видите ли, суетно. Всё просила у Сереги какую-нибудь маленькую дачку, чтоб не

слишком далеко от станции. Тот отнекивался, зачем тебе, мол? Столько хлопот, огород какой-то, да кому он сейчас нужен! Вон, в магазине огурцы даже зимой свежие! Да и воруют сейчас по-черному, дачи вскрывают. В общем, так и не купил он ей дачку, хотя мог без проблем.

Да всё тогда было без проблем! Был он хозяином жизни, у которого полно друзей. Только оказалось, что не друзья это были, а в лучшем случае партнеры по бизнесу. Для таких не ты сам важен, а прибыль, которую через тебя можно получить. А не стало от тебя прибыли – так все, кого ты считал друзьями, сразу пропали куда-то.

Можно, конечно, сходить в сауну к девчонкам. Поплакаться. Они, скорее всего, даже искренне посочувствуют. Утешат, как могут. Только за деньги. И через два часа попросят уйти. Надо ведь и других выслушать и утешить. Работа у них такая...

Вот так и получилось, что идти некуда, кроме как к маме. Возвращение блудного сына...

Виток четвертый. Новая жизнь Сереги Плахина.

Продолжение.

Мама Сереге очень обрадовалась. Даже всплакнула.

– Что же ты теперь делать будешь? – спросила она, наливая ему густого грибного супа, того самого, из детства.

– Придумаю что-нибудь, – соврал Серега. Потому что если бы можно было в его положении что-нибудь придумать, то вряд ли бы он к маме пришел.

– Я как чувствовала, – вздохнула мама. – Не нравилась мне твоя работа. С Машей вот развелся, а она ведь такая хорошая! Может, вернешься к ней? Она ведь так замуж и не вышла.

Маше Серега накануне звонил. Разговор короткий получился.

"Привет, это я! Как дела?" – сказал он.

"Сволочь!" – только и ответила Маша. И трубку бросила.

Можно, конечно, было подумать, что она его с кем-нибудь спутала. Серега ещё раз позвонил. Трубку не сняли. Потом ещё раз. Трубку сняли и бросили. Вот так и поговорили...

– Да не получится у нас, – пожал плечами Серега. – Гордая она слишком. И прощать не умеет.

– А сам бы сумел? – неожиданно резко спросила мама.

– Что сумел? – опешил он.

– Простить такое! Она тут тебя ждёт, с Наташкой возится, по врачам её носит! А зубки как резались! Сутками не спала! А ты...

– Что я? – бросил Серега. – У меня работа была такая! Бизнес! Без сауны никакие вопросы не решались!

– Да что же это за работа? – тихо спросила мама.

– Да какая теперь разница, – Серега махнул рукой. – Была работа и нет её! Вот так...

– Пообещай мне, Сережа, что больше так не будешь! Что не будешь со всякими бандитами по баням шлаться. И отравой торговать!

– Ладно, мам, обещаю, что больше не буду, – улыбнулся Серега. Он и не врал. Тема с сигаретами отошла окончательно! Как они закрылись, их место сразу другие заняли. И не подвинуть их теперь иначе, кроме как силой. А сил у него – только руки да ноги. Ну, голова ещё...

– Вот и славно! – обрадовалась мама. – А у меня для тебя кое-что есть!

Ушла она в свою комнату и быстро вернулась с толстым конвертом.

– Смотри, всё, что ты мне давал, я сюда складывала! На чёрный день! Вот он, похоже, и наступил. Так что бери и живи! Только ошибок своих не повторяй!

Господи, доллары! Это сколько же! Тысяч восемь, не меньше! Эх, больше надо было маме давать! Да только кто ж знал?

– Спасибо! Спасибо, мамочка!
Жизнь продолжается!

Те, кто в 1998 году был взрослым, могут следующую страничку пропустить.

А те, кто тогда был маленьким, или вовсе ещё не родился, почитайте.

Вот представьте себе, что раньше в России почти всё покупали и продавали за наличные. Карты платежные, которые сейчас у всех есть, тогда были в диковинку, ими только крутые расплачивались. Не было ни банкоматов, ни терминалов для эквайринга (это те самые пульта с кнопками, в которые вставляют карты, и которые сейчас есть чуть ли не в каждом ларьке).

И что самое удивительное, торговали не просто за наличные, а за наличные доллары! Баксы, или бакинские, как их ещё называли. На эти самые американские деньги у нас покупали автомобили, квартиры, дома и даже электронику. Доллары в России были в ходу новые, чистые, часто с номерами подряд. Как будто специально для нас напечатанные! Мятые и грязные, кстати, могли даже в обменнике не принять. Старые банкноты тоже не любили. Доллары наши граждане использовали ещё и как средство сбережения, к своему рублю доверие было на нуле. И не без оснований, как выяснилось. Поэтому почти в каждой семье в укромном местечке были спрятаны баксы на чёрный день.

Много, много сил потратило правительство, чтобы убедить людей в том, что рубль – валюта надежная! Только не особо в этом преуспело.

А вот зарплату люди получали в рублях! Зарплаты, кстати, были маленькие, не чета нынешним. Считаете, что вам (или вашим родителям, если вы сами ещё в школе) сейчас мало платят? Переведите-ка свою нынешнюю в доллары по курсу. Посчитали? А тогда тысяча денюжников в месяц считались неплохой зарплатой. Жить было можно! По курсу шесть рублей на доллар выходило, стало быть, сто шестьдесят шесть и ещё какая-то мелочь в периоде.

В августе девяносто восьмого в течение нескольких дней рубль обесценился в ЧЕТЫРЕ раза.

...Цены, конечно, на многое поднялись не сразу. Продукты, услуги остались почти на прежнем уровне и ещё некоторое время держались. Что же касается дорогих вещей, таких, как автомобили, то они сразу стали практически недоступными.

Тощие накопления, которые люди сделали в долларах, тогда очень всемгодились! Только хватило их ненадолго...

Торговля импортным товаром практически замерла. В первые дни люди смели то, что ещё не успело подорожать. Другого продавцы уже и не завозили, потому что по новому курсу всё равно бы ничего не купили. А в убыток себе торговать никто не хотел.

Но импорт тогда был жизненно необходим! Это сейчас почти все иностранные бренды имеют в России свое производство. Тогда было не так... Везли к нам абсолютно всё! Тут продавали с наценкой и выводили выручку за рубеж. Собственное производство было, можно сказать, на последнем издыхании.

Конечно, когда торговать импортным товаром стало невыгодно, наши производители вздохнули свободнее. Вроде бы выиграли конкурентную борьбу, теперь можно не опасаться. Вот раздумывал человек, купить ему новую "девятку" за рубли или пятилетний Фольксваген Пассат за доллары, а теперь Пассат аж в четыре раза вздорожал! Так что поддержим отечественного производителя!

Одна завычка – зарплаты-то, которые были в рублях, остались прежними!

И ещё одна, самая главная. Не всё у нас делали.

...Слегка отдохнув, Серега навестил старых школьных друзей – Лёху и Пашку.

У Пашки почти ничего в квартире не изменилось. Их коммуналка была настолько большой, что расселить её не брался никто. Так что они по-прежнему жили в той самой комнатке с видом на двор-колодец. Только бабушка его умерла, они с матерью остались вдвоем. Жениться друг так и не смог. Или не хотел, кто его разберет.

Теперь Пашка сам преподавал историю в той самой школе, где когда-то они все учились. Работу свою он очень любил! Одна беда – платили там только чтобы с голоду не умереть, как говорится. Поэтому Пашка ещё и репетиторствовал.

Сергеа принес выпить, но Пашка вежливо отказался. Пост, нельзя. Вера не позволяет! Да и ученик вот-вот должен придти. Серега удивился, конечно, но спорить не стал. В конце концов, с Лёхой выпьем.

На старых, лет тридцать не менянных обоях, повсюду висели иконы. Говорить Пашка мог только о своем предмете да о религии. Сереге и то, и другое было неинтересно. Так что очень скоро он ушел, тем более, что к Пашке всё-таки пришел ученик. Ну что ж, работа прежде всего! А поговорим как-нибудь потом. Когда пост кончится...

С Лёхой вообще был цирк, что называется. Совсем недавно он, наконец, стал отцом. Да ещё и сразу двоих пацанов! Он и присесть не успевал, варил каши, стирал белье, убирал квартиру пока его Светка сидела в комнате, вроде как с детьми. Хотя дети спали, а она там именно что сидела, читала что-то. Нет бы мужу помочь!

Вот и сейчас Леха был на кухне, заканчивал кипятить белье. Там и принял гостя...

"Ей тяжело, пусть отдохнет! – говорил Лёха, ловко доставая из огромной кастрюли деревянными щипцами тяжелую простыню. – Так устала!"

Да с чего это она устала, хотел спросить Серега... Задницу, что ли, отсидела? Но не успел: Лёху по телефону вызвали на работу, он долго извинялся перед женой, обещал, что сразу после работы поедет домой.

"Памперсы не забудь купить!" – только и сказала жена.

Лёха грустно вздохнул.

"Я поищу, Светочка, – сказал он. – Может, мне повезет... Вчера нигде не было!"

...Да, сейчас это невозможно представить! Но тогда этих самых подгузников, которые в России почему-то стали называть памперсами, в магазинах на самом деле не было. Да и не только их! Старый запас, как и в случае со всем прочим, раскупили, а новый никто не спешил привозить. Слишком рискованно было тогда покупать за валюту, а продавать за рубли. Курс доллара скакал в разные стороны, и все были уверены, что новый обвал рубля не за горами. А сами мы делать эти несложные, но новые для нас вещи тогда не умели.

Конечно, можно ведь и без памперсов обойтись, пеленочками, прокладочками из мягкой ткани, как мамы с бабушками обходились. Только привыкли мы к комфорту! И просто так от него не отказываемся.

Так, подумал Серега... Есть спрос, но нет предложения! Есть рынок, на котором вдруг не стало конкурентов! Надо действовать!

Всё-таки не зря Плахин столько лет занимался бизнесом! Только сейчас всё надо делать самому, без помощников. Транспорт, логистика, сбыт... Задача!

Но, поистине, нет на свете преград, которые не под силу русскому мужику! К тому же с головой на плечах!

...Купить подержанный микроавтобус. Заказать в Финляндии партию подгузников по какой-нибудь акции. А то и вовсе слегка бракованных. Главное, подешевле! Съездить, расплатиться, "утрясти" с таможней. Раскидать по магазинам. Всё! Будут, конечно, сложности, но мы ведь и не такие решали!

И схема сработала! Он снова был в деле. Спасибо маме! Ну и Лёхиной жене, конечно.

Через полгода Серега открыл небольшой магазин детских товаров. Всё было из Финляндии, купленное на распродажах, по уценке, с истекающим сроком годности. Но зато недорогое! Дела пошли в гору.

Скоро, конечно, люди и сами догадались ездить в Финляндию. За лососиком, за сыром, за чаем. За растворимым кофе, вкус которого и сейчас разительно отличается от российского, несмотря на внешне одинаковые упаковки... Но Серега к этому времени прочно стоял на ногах, и ездил в гостеприимную соседнюю страну разве что отдохнуть на выходные. У него было уже три магазина, налаженные поставки от производителей. Накопительные скидки, распродажи и акции, которые он регулярно устраивал, привлекали к нему покупателей снова и снова.

А в 2001 году произошло удивительное – доллар начал снижение! И не на месяц-два, а на долгие семь лет!

Да, страна понемногу выбиралась из той пропасти, куда её завели прежние правители. Какая-то надежда у людей появилась, что ли...

Серега в первый раз за десять лет решил устроить себе настоящий отпуск. Вспомнил, как ему кто-то советовал прокатиться на теплоходе по Волге. Россию посмотреть! Ну что ж, посмотрим...

Взял самый дорогой круиз, из Москвы в Астрахань. Теплоход "Любовь Орлова".

Канал имени Москвы Серегу, конечно, поразил. Даже и представить было нельзя, что так давно, ещё до войны, могли так строить! О том, кто, как и при каких обстоятельствах это строил, думать не хотелось. Бывает так, смотришь на красоту, и видишь только красоту. Всё аккуратно, чисто, глаз радуется! А тем, кто строил – спасибо им, конечно. И хватит с них...

В Угличе остановка. Какого-то царевича там убили. Пашка бы, наверно, во все глаза бы тут смотрел. А Сереге скучно. Ну да, церкви, крепость, развалины вокруг. Да, детских магазинов ведь здесь почти нет! Вот это уже интересно!

Решил Серега побродить сам, без экскурсовода. Типа, город посмотреть. На будущее. Вдруг пригодится?

Забрел куда-то. Узкие улочки, разбитые в хлам дороги... Дома без ремонта... Да, магазин тут открывать бессмысленно! Сразу видно, нет денег у людей. Может потом и появятся... А пока всё без толку! Зря, похоже, с экскурсии ушел...

А вот и не зря! Потому что там он и встретил Аллу. На разбитой угличской улочке с таким неуместным тем жарким летом названием Февральская.

...И ведь что странно, жили в одном городе, и не так уж и далеко друг от друга, и на одном теплоходе плыли, и в одной группе экскурсовода слушали. И сбежали с экскурсии практически одновременно! Один другого не заметив... А тут посмотрели и поняли, что искали друг друга всю жизнь.

– Вы, случайно, не знаете, где тут причал? – спросила она. – Я, кажется, заблудилась...

– Знаю, – сказал Серега с улыбкой. – Я вас провожу, можно? Я тоже пассажир. "Любовь Орлова", так ведь?

И она улыбнулась. Взяла его под руку, и больше они не расставались. Разве что в самом конце круиза, да и то совсем ненадолго. В Волгограде во время экскурсии к Мамаеву кургану Серега вдруг сбежал куда-то на полчаса.

Вернулся он весь сияющий!

– Вот! – сказал он, протягивая Алле золотое колечко в бархатной коробочке. – Выходи за меня!

– Я посоветуюсь, ладно? – лукаво улыбнулась Алла.

Сергей недоуменно промолчал, пожимая плечами. С кем здесь советоваться?

– Эй, Родина-Мать! – задорно крикнула она, глядя на величественную статую на самой вершине. – Что скажешь? Выходить мне за него замуж?

Обернулись люди. Многие смеялись...

– Выходить! – крикнул какой-то дядька, явно под хмельком. – Она сказала: "Выходить!" Я слышал!

Она и вышла.

Вам ведь, наверно, интересно, что было между этими двумя событиями? Так ведь?

Тогда слушайте.

Алла была фотографом в толстом глянцево-м журнале, очень популярном у женщин среднего возраста. Судоходная компания предложила редакции отправить в круиз журналистов, чтобы те рассказали, как здорово путешествовать по Волге. Вроде как в командировку. Так что ей путевка досталась бесплатно, с условием сделать красочный фотоотчет о путешествии. Другая девушка, журналистка, должна была написать текст, призывающий всех читателей бросить свои дела и немедленно отправиться в круиз по великой русской реке.

И надо же, та журналистка подвернула ногу по дороге на теплоход! Пока в травмпункте ей вправляли вывих, "Любовь Орлова" благополучно отчалила... Так что редактор велел Алле поработать за двоих! И фотографировать, и текст сочинять.

Она тогда и пошла искать новые, необычные виды Угличского Кремля. А нашла Серегу.

Прямым следствием этого события стало то, что оба редакционных задания Алла с треском провалила. Потому что всю поездку они с Сергеем не вылезали из её каюты никуда, кроме как в столовую. Было у них чем заняться! Только это уже без подробностей...

Конечно, жаль, что не увидели они ни Плеса, ни величественных волжских шлюзов, ни рукотворных морей. Даже утес Стеньки Разина, что некоторым кажется самым красивым местом в России, пропустили. Только в Волгограде сошли на берег, чтобы, можно сказать, отдохнуть немного.

На память о круизе осталось только фото, где Алла, широко раскинув руки, стоит на самом носу теплохода. Как Кейт Уинслет в Титанике. Для отчета явно маловато было... Ничего, выкрутились как-то.

В Питере сыграли свадьбу. Свидетелем у Сереги теперь был Лёха. Только он сразу после ЗАГСа сбежал, сказал, что ему надо детей укладывать. А то жена очень устает, надо помогать. Совсем обабился мужик!

Пашка не пришел. Опять какой-то пост у него был. Оказывается, в пост вообще жениться нельзя. И на чужой свадьбе гулять. Так вот. Словом, православный на всю голову, как сейчас говорят.

...Вот, бывает так, что вскружила голову двум людям какая-то необыкновенная любовь. И, ослепленные ею, понеслись они в новую жизнь, ничего, по сути, не зная друг о друге.

Если такое случается у молодых людей, им проще бывает. Привычек у них поменьше, интересы, как правило, схожие. Глядишь, притрутся со временем. Научатся не только любить без памяти, но и уважать друг друга. Чужими интересами интересоваться, простите за тавтологию.

С людьми постарше, к тридцатнику, куда как сложнее! И работа, и друзья у каждого свои. Характеры уже устоялись, менять их ох как непросто! Чтобы вместе жить, надо чем-то жертвовать, уступать друг другу.

А если ни один не готов уступать? Как тогда быть?

...Алла была, конечно, очень умная. Столько всего знала! Только Серега всё это знание считал пустым, ненужным, что ли. Кино, живопись, архитектура. Светская тусовка и её законы... Гламурная журналистка, одним словом.

У Сереги на первом месте бизнес! Валютный курс, налоги, таможенные пошлины. И тусовка своя. Бизнес-партнеры, поставщики, прикормленные налоговики. Хорошо хоть с сауной завязал. Теперь все дела в ресторанах улаживали.

Жили они у Аллы, в маленькой уютной квартирке на Васильевском, с видом на Академию Художеств. Алла как-то пошутила, что если из окна высунуться подальше, то можно сфинкса увидеть. Так Серега поверил, высунулся по пояс, чуть вниз не свалился. Потом смеялись долго.

И жили в общем-то, неплохо. Если в противофазу не попадали.

...Как-то приезжает Серега домой, с цветами, как положено. А на столе записка: "Меня не жди, ложись сам. Я поздно буду!" И сердечко пририсовано.

Другой раз приходит Алла с маникюром, с прической. Мужа порадовать. Записку читает: "Я скоро, не волнуйся!" Ждёт его до двух ночи; приезжает Серега чуть живой, но довольный донельзя. Добазарился-таки с налоговой! Поздравь меня! И спать сразу. На неё даже и не взглянул.

Одно их выручало! Всё-таки крепко любили они друг друга. Не пытались один другого под себя переделать. Даже искренне пытались понять, что же такого интересного есть в чужой жизни, чего нет в твоей.

Приехала как-то Алла в Серегин магазин, посмотрела на коляски– кровати, на яркие игрушки, и вдруг разрыдалась. Серега её в своем кабинете целый час валерьянкой отпаивал. Там и узнал, что детей им не дожидаться. Наделала Алла ещё школьницей глупостей, теперь никак.

По многим врачам прошлись, всё без результата. Никак – значит, никак. Смирись, гордый человек!

Серега её очень жалел, хотел ещё в Израиль свозить, тамошним врачам показать. Алла отказалась. Что ж, и так можно жить. Наверное...

Вот они и жили. Пока не приехала в Санкт-Петербург та злосчастная выставка.

...Очень давно, ещё при Союзе, уехал на Запад один непонятый тогда здесь художник. Авангардист! Сначала в Германии осел, потом в Америку перебрался. Два континента обогатил своими работами. Критики его творчеством неизменно восхищались. Да и сейчас многие в восторге! Какое буйство красок! Какая экспрессия!

С большой помпой открыли в Эрмитаже выставку! Директор музея, вице-губернатор, замминистра культуры, прочие, рангом помельче.

На открытие пригласили и Аллу, как признанного мастера фотографии; её журнал всегда освещал такие события. Дали ей пригласительный на два лица. Вот она и позвала мужа, чтобы тот приобщился к высокому искусству. Оставила Серегу картины смотреть, а сама пошла свою фотокамеру настраивать.

Серега в музее со школы не был. И о живописи представление имел самое общее. Пейзаж, портрет, натюрморт... О том, что и как рисуют авангардисты, ничего не знал.

Ходит он по залам, смотрит на развешанное по стенам буйство красок... И приходит в полное недоумение!

Видит, стоит в центре зала такой благообразный человек, с бородкой, в костюме от Бриони. Все с ним здороваются, руку жмут.

Серега тоже к нему подошел. Поздоровался.

– Вы извините, я, кажется, заблудился. Меня жена позвала картины смотреть, а тут везде мазня какая-то. А как к настоящим картинам пройти?

– Это где мазня? – спросил человек.

– Да вот же! – Серега ткнул пальцем в огромное полотно, залитое желтой краской с красными квадратами. – Это ж какой идиот сюда повесил!

Тихо вокруг стало. Но ненадолго.

– Это кто идиот? – завопил человек с бородкой. – Кто его пустил? Опять травля! Здесь ничего не изменилось! Всюду совок!

В общем, это и оказался тот самый художник, гений современного русского авангарда, непонятый на Родине!

– Пошёл прочь, хам! – крикнул гений и неумело махнул рукой, пытаясь дать Сереге пощечину.

Серега уклонился. Нет бы ему извиниться по-тихому и уйти. Только разозлился он не на шутку!

– Люди! – изо всех сил крикнул он. – Но это же в самом деле мазня! Почему вы этого не видите?

Появилась охрана. Серегу вывели. Хотели приписать мелкое хулиганство, но, узнав, что он когда-то служил в органах, замяли. Дело открывать не стали. По большому счету, и не с чего. Ну, выразил посетитель выставки свое мнение. Так у нас же свободная страна! За такое теперь не сажают. Штраф пятьсот рублей, и свободен!

Видео, на котором Серега так эмоционально высказывает свое мнение о живописи мастера, показали по питерскому каналу. Интернет-издание "Болтанка78" написало большую статью. Бизнесмен-искусствовед, в прошлом охранник в тюрьме, говорилось там, разглядел подлинную сущность шедевров, которыми восхищается мир. А вдруг прав именно он?

Всё это было похоже на анекдот. Только последствия оказались совсем не смешными.

Художник уехал, выставка проработала ещё пару недель вместо планируемых поначалу шести месяцев. В Интернете появилась новая тенденция – фотографироваться на фоне той самой картины, держа при этом в руках табличку с надписью "В натуре мазня!" Или даже похлеще... А уж в книге отзывов такого понаписали! Но это было ещё не самое страшное...

Серега так и был прописан с мамой, на Пушкинской улице. Пронырливые журналисты с целью взять интервью разыскали его квартиру. Поняв, что самого виновника торжества им не увидеть, стали караулить старушку. Пусть даст комментарий! А что она могла им сказать?

После беседы с одним чересчур настойчивым корреспондентом, который преследовал её аж до метро "Маяковская", мама почувствовала себя плохо и упала прямо на эскалаторе. Прохожие вызвали ей скорую, которая отвезла Серегину маму в больницу. Кстати, об этом тоже написала "Болтанка78".

...В больнице Сереге сказали, что у мамы инфаркт. Прогноз неутешительный. Сердце крайне изношенное, могло разорваться в любой момент. От физической нагрузки, от сильного переживания, от стресса. Не было ничего такого?

Мама так и не пришла в сознание. Вот так Серега потерял самого верного друга, о котором в последнее время почти не вспоминал. Некогда было, наверное...

Сначала он очень хотел найти того журналиста, который стал причиной её смерти. Или вообще спалить офис той самой "Болтанки". Только решил прежде поговорить с женой...

Алла после той выставки очень изменилась. Почти не разговаривала с ним. Да Сереге и не до того было. А тут вот она сама с ним заговорила:

"Прости меня, – сказала Алла. – Я ухожу".

Серега оторопел. Как ухожу? Почему?

"Почему? И ты ещё спрашиваешь? Ты опозорил меня перед всеми! Все мои друзья отвернулись! Меня из журнала выгнали! "За несовместимость с уставом" и за что-то еще! Сам журнал вот-вот закроют! Потому что это наш генеральный спонсор привез сюда эту выставку! За огромные деньги привез! А теперь они разорвали контракт с журналом! Наш главный умолял его передумать, и всё без толку! Меня никто не возьмет теперь! Ты мне всю жизнь сломал!"

Может, если бы она той последней фразы не сказала, всё бы и уладилось как-нибудь. Да только слово – не воробей... О многом хотел Серега с ней тогда поговорить, но вдруг передумал. О чем теперь говорить? Собрал наскоро свои вещи... Напоследок, уже в дверях обернулся и бросил:

"Не жизнь и была!"

Так вот бывает.

Виток пятый. Освобождение.

Прошло четыре года. В них уместился сказочный две тысячи восьмой, когда вдруг стали сбываться самые смелые мечты. Сначала хоккей выиграли, чуть позже Zenit взял Кубок УЕФА, потом Билан занял первое место на Евровидении, а летом сборная по футболу чуть не выиграла Чемпионат Европы! Злые языки шутили, что, пока так везет, может, по Америке вдарим?

Вдарили. Только не по Америке, а по Грузии. Правда, как-то неубедительно. Зато быстро, всего за пять дней управились...

Потом был маленький кризис. Хотя это по сравнению с тем, что накрыл нас в девяносто восьмом, он казался маленьким. На самом-то деле кризис был гигантский! Рушились огромные компании, с оборотом почти как весь российский ВВП. Но это было где-то там, далеко. У нас всего только в полтора раза доллар подрос. Добрался до значения две тысячи первого года. Какой это кризис...

Серегина фирма его спокойно пережила. Плавнo подняли цены, устроили небольшие распродажи. Даже прибыль показали по итогам года, хоть и минимальную.

Серёга теперь только бизнесом и занимался. Уже пять магазинов в разных районах у него было. Своя концепция, яркая форма продавцов, улыбочки, подарки для покупателей, розыгрыши первого июня, в День защиты детей, и на оба Рождества. С выдумкой работал, с любовью к своему делу, можно сказать. Потому что больше любить было ему некого.

Ну что поделаешь, не везло ему с женами! Так что он и пообещал сам себе – третьего раза не будет. Никогда!

Бывало, конечно, когда кто-то появлялся в его жизни. На месяц-другой, не больше. Так, напряжение снять. Любить он, похоже, разучился.

Во всяком случае, почти убедил себя в этом...

Был июнь две тысячи десятого. Серёге как раз накануне сорок два исполнилось.

Идет он к своей парадной, а навстречу ему девчонка. Красивая, только ещё молоденькая совсем. Смотрит пристально, в глаза. И взгляд не отводит.

– Мы встречались, девушка? – спросил он.

– Да уж конечно, – усмехнулась та. – Здравствуй, папа...

Так это же Наташка! Вот сюрприз-то! И похожа ведь на него! Как же не узнал?

Позвал к себе, налил чаю с "Балтийским" тортом. А разговор не клеится...

Трудно разговаривать, когда тебя так в упор рассматривают. Да ещё девчонка! Пусть даже дочь твоя родная...

– А что же ты о себе не расскажешь? Как дела, как учеба?

– А тебе интересно? – усмехнулась Наташка. – Учеба... Я же школу кончила, папа. ЕГЭ сдала. Хорошо сдала, не спрашивай. А пришла я сюда, чтобы посмотреть на тебя. Да и вообще...

– Ну что? – напрягся Серёга. – Посмотрела?

– Да уж... Тут такое дело. Мама приболела слегка, – сказала дочь. – А у меня выпускной! Надо с родителями. Придешь?

Встретаться с Машей ему точно не хотелось. Но раз её не будет...

– Конечно, приду, доченька! – улыбнулся Серёга. – Все дела отменю!

...Так волновался, как будто это у него у самого выпускной. Накануне загнал машину на полировку. Надел костюм-двоечку, купленный по случаю, который так ни разу до того и не надевал. Хороший, кстати, костюм, английский. Галстук к нему в магазине подбирал целый

час. Купил дочке в подарок Айфон-четверку, они только появились, кучу денег стоили. Букет дизайнерский заказал.

...Школа у Наташки была самая обычная, не специализированная. На окраине города. Народ в ней учился, что называется, простой. Серега себя сразу не в своей тарелке почувствовал. Всё казалось ему, что на него с каким-то осуждением смотрят.

Собрались все в Актовом Зале. Сначала директор что-то напутственное говорила. Потом какие-то невзрачные тетki, наверное, классные руководители. А потом стали выпускников вызывать, вручать аттестаты.

– Плахина Наталья, одиннадцатый "А"!

Вышла Наташка, взяла аттестат. Повернулась к залу, а Серега уже стоит перед ней! Букет вручил, та ахнула, когда увидела. Чудо, а не букет был!

– Солнцева Юлия, одиннадцатый "А", – вызвали следующую.

Серега подал дочери руку, когда она по лесенке спускалась. И чуть не задел девушку, что шла за ней. Та чуть в сторону отошла, чтобы не толкаться.

И тут Серега её увидел...

Знаете, у каждого мужчины есть идеал женщины. Мало кому его встретить удастся, и вовсе не факт, что за этим последует какое-то продолжение. У женщины ведь тоже есть идеал, и совсем не обязательно, что это именно вот этот самый мужчина.

И что ещё интересно! Вот попроси кого этот идеал описать, или того больше, нарисовать, так не смогут ведь. Идеал можно только встретить, и тогда уж точно сказать: "Вот она!" Или: "Вот он!"

Кстати, это ведь только внешности касается. Характер – это уже на следующем уровне. Но об этом вообще никто не думает, когда такого человека встречает.

Серега тогда просто ошолбенел. Потому что эта девочка и была его идеал, прекрасный и недостижимый. Хорошо, дочку за руку держал, она его за собой потащила. Кое-как совладал с собой, досидел до конца.

Собрание кончилось, счастливые дети сбились в какие-то группы, смеялись и радовались – сегодня ведь у них новая жизнь началась..

Сходил в машину, принес дочкин подарок, отдал ей. Все удивлялись, завидовали. Наташка его первый раз обняла, чмокнула в щеку. Серега почему-то покраснел. Впрочем, было жарко, на это не обратили внимания.

– Юлька, ты что же, не поедешь? – услышал он позади себя.

Обернулся. Господи, это она!

– Нет, ребята, у меня тренировка завтра, мне нельзя! – и голос у неё чудесный!

– Ну как же, на кораблике даже не покатаешься?

– Да нет, я домой поеду, – сказала она. – Такси вызову! Наташа, дай телефон позвонить!

– А зачем такси? Папа, ты не отвезешь Юлю? А то она далеко живет! Ну, пожалуйста!

– Конечно же, – с трудом выдавил Серега. – Вам куда, Юля?

Вот так они и познакомились...

Если разобраться трезво, то не такая уж и красавица была Юля. Конечно, стройная, высокая. Всё-таки прыжками в высоту занималась четыре года. Симпатичная. Но не более того. Для всех прочих, конечно.

Безусловно, умная. Даже исключительно умная, можно сказать! До золотой медали двух пядерок не хватило.

А Серега, встретив её, пропал. Растворился в ней! Вот, вся жизнь разделилась на до и после. Как если бы Ангела увидел!

Она и стала для него таким ангелом! Которого можно только любить и слушаться. Восхищаться, подарки дарить...

Строго говоря, то чувство, что пронзило его, было уже не простой той любовью, что испытывает мужчина к женщине. Это было, можно сказать, что-то более высокого порядка. Скорее, обожание и поклонение, как будто богиня вышла откуда-то из морской пены и снизошла до тебя. И одарила тебя своей милостью...

Говорят ещё, что именно так и выглядит пресловутый колдовской приворот. Только кто сейчас верит в колдовство?

Со временем, конечно, это удивительное чувство немного изменилось. Трансформировалось, стало похоже на обычную любовь. Разве что запредельно сильную. Но тогда...

В общем, повез он её тогда домой. Нарочно повез длинной дорогой, чтобы побыть с ней подольше. Немыслимо было представить, что она вот так встанет и уйдет от него. И больше они никогда не увидятся...

Она чего-то такое почувствовала, конечно. Но несколько не испугалась! Наоборот, всё время что-то ему рассказывала про себя, про родителей, про учебу, которая была. Про то, что собирается поступить в Финэк, но не уверена, что попадет на бюджет. А то у родителей денег совсем нет, платное отделение они не потянут...

"Я дам! – хотелось ему крикнуть. – Всё дам, только бы ты была счастлива!"

Слава Богу, не крикнул. Где-то в глубине сознания ещё пробивался здравый смысл:

"Ты что! Двадцать пять лет разницы! Тебе через восемнадцать лет на пенсию! Одумайся!"

Он отвечал что-то, стараясь, чтобы не дрогнул предательски голос, выдавая его волнение. Рассказал какую-то историю, как сам сдавал в школе экзамен. Она рассмеялась.

"С вами так интересно, Сергей Евгеньевич! Вы знаете, мне вообще-то так жаль, что я не поехала с классом на кораблике! Я давно хотела. Но у меня правда завтра тренировка, никак нельзя пропускать! Может, вы со мной завтра вечером покатаетесь? Хотя пару часов! А то одной скучно!"

Как его сердце не разорвалось от счастья, он не понял. Даже смог ответить более-менее спокойно:

"Ну конечно же! А родители тебя отпустят?"

"А мы не скажем! – улыбнулась она. – Пусть у нас будет от них секрет! Вы приходите ко мне! Вы же знаете, где у нас стадион?"

На следующий день он пришел на её тренировку. Дал денег на проходной, прошел на трибуну. Посмотрел, как легко она прыгает через планку. Как птичка взлетает... Потом они всю ночь катались на кораблике, совсем одни. Но даже поцеловать её он не решился. Как можно тронуть ангела и остаться после этого в живых?

Она его сама поцеловала. Первая! И просто сказала, внезапно перейдя на ты:

"Не уходи, пожалуйста. Ты мне нужен!"

Он не ушел. В тот же день встретился с её родителями. Рассказал всё, как есть. Что жить без Юли не может! Что в лепешку раскатается, чтобы у неё все было. И про них не забудет.

Мать Юли, полная неухоженная женщина в халате... Отец, лысоватый худющий мужик в несурзных очках... Классическая семья-"десятка", как говорят. Квартира-брежневка, им под стать. Старая, советская ещё мебель. Тесная кухня с древней газовой плитой...

Вот на этой самой кухне всё и решилось.

"Я тебе, Сергей Евгеньевич, только одно скажу, – сказал её отец. – Она у нас всегда всё сама решала! Лет так с двенадцати. И со школой, и с институтом, и со спортом своим. Мне это трудно говорить, но мы с матерью для неё... Вроде услуги, что ли! Подумай! Я тебе это даже не как отец, а как мужик мужику говорю. Ну, а если вы всё уже твердо решили, делайте, что хотите. Бог тебе судья!"

"Я не обижу её, ни в коем случае! – горячо заверил Серега. – Всё у неё будет! И у вас!"

"В этом-то я не сомневаюсь, – усмехнулся тот. – Я глаза твои вижу, понимаю, что ты влюблен в неё без памяти. Только за нас тревожиться не надо! Проживем как-нибудь. Ты за себя беспокойся! Ей ведь только по паспорту восемнадцать. По уму она, может, и постарше нас с тобой будет! Попомни мое слово!"

"Спасибо! – обрадовался Серега. – Я всё сделаю!"

Подали заявление, стали готовиться к свадьбе. Плахин был счастлив, как никогда прежде!

Были, впрочем, и неприятности. Наташка ему часто звонила. Звала в гости, говорила, что мать поправилась. Ей, видно, очень хотелось их как-то соединить.

А тут позвонила и напрямую спрашивает:

"Это правда? Что у тебя с Юлькой? Или врут?"

Тяжело отвечать было. Только нельзя же предать ангела!

"Правда! Ты приходи к нам на свадьбу, доченька!"

"Сволочь!" – бросила Наташка Машкиным голосом. Яблочко от яблони...

Так он потерял дочь. Надолго. Хорошо хоть, не навсегда.

... Скоро и свадьбу сыграли. Сделано всё было по высшему разряду! Свадебное путешествие в Штаты. Белоснежная яхта, Майами-Бич, круиз по островам Карибского моря. Чтобы было, как в сказке... Даже нет! Как в раю! Где же ещё жить ангелу...

Вместо Финэка Юля поступила в Университет. На бюджет её, как и ожидалось, не взяли, не хватило пятнадцати баллов. Можно было уйти на другой факультет, но Юля хотела на международный менеджмент. Сергей заплатил, конечно. Кассирша СПбГУ впервые увидела человека, отдававшего такую кучу денег с радостной улыбкой.

Дела были заброшены окончательно. Впрочем, у него был толковый заместитель, которому не надо было объяснять всё от и до. Так что его магазины как-то работали. Просели, конечно, без твердой Серegiной руки, но не то чтобы очень уж здорово. Раньше Сергей бы места себе не находил из-за этого, а сейчас просто махнул на всё рукой.

Первый семестр Юля сдала на одни пятерки. Серега ей подарил беленький "Пежо-207". Белый Пыжик, как она говорила. Отправил учиться на права. И здесь она все с первого раза сдала. Просто удивительно, как у неё всё получалось!

Хотя для него в этом ничего удивительного не было. Разве может богиня чего-то не знать или не уметь?

А к окончанию курса он ей готовил сюрприз – поездку в Австралию, а оттуда на корабле в Антарктиду. На пингвинов посмотреть.

Правда, не учел одного обстоятельства. Когда тут лето, там всё-таки зима! А зимой в Антарктиду лучше не соваться. Полярная ночь, однако. И холодно. Решил отложить ещё на полгода.

Только у неё нашелся сюрприз получше. Сереге предстояло снова стать отцом!

И это для него было самое волшебное время в жизни... Он ждал этого ребенка, как ждут самый бесценный дар. От судьбы, от Бога, от Юли – от всех!

Купил для них новую, просторную квартиру в Приморском районе, с видом на почти уже построенный стадион. Обставил самой красивой мебелью. Чтобы его ангел и его малыш жили лучше всех!

Всё было хорошо! А разве может быть по-другому, когда она рядом с ним?

Максим родился в канун Нового, две тысячи двенадцатого. Самый лучший новогодний подарок, какой только можно себе представить...

Вот есть в обществоведении, кажется, такой термин – "социальный лифт". Означает, что человек может подняться из нижних слоев общества в верхние. Конечно, если это упорный человек, который из всех сил стремится занять место повыше...

Само собой, на всех мест в этом самом лифте не хватает. Иначе все сразу в него и залезут. А кто тогда внизу останется? Кто будет улицы мести, автобусы водить, сантехнику чинить?

Поэтому лифт этот работает строго по билетам.

В нормальном, устоявшемся, обществе самый простой и надёжный способ занять такой билет – получить хорошее образование. С дипломом престижного университета ты точно сможешь подняться. А уж до какого этажа, зависит только от тебя самого.

Можно попробовать пробиться наверх умом. То есть придумать что-то такое, чего до тебя ещё никто не придумал! Как Билл Гейтс, Стив Джобс, Марк Цукерберг. Илон Маск, опять же. Трудный путь! Явно не для всех. Потому что почти всё, что можно было, уже придумали до нас. Но всё-таки пока это всё ещё возможный способ.

Ну, а самый доступный для всех вариант известен нам по сказке "Золушка". Выйти замуж за принца. И всего делов! Лифт тебя сразу на самый верхний этаж доставит! Жалко только, что принцев сейчас почти нет.

Поэтому необязательно выискивать себе именно принца. Можно ведь выйти и за обычного богатого человека, пусть и без многовековой родословной. Главное, чтобы провел он тебя в этот лифт и поднял наверх. На свой этаж. На котором Золушка если и не станет настоящей принцессой, так хотя бы поживет по-человечески.

В общем, если для Сереги Юля была ангелом во плоти, на которого он только что не молился, то для Юли Серега был именно этим самым лифтом. Который нужен, только чтобы подняться на нем хотя бы на пару этажей повыше. А когда ей стало понятно, что дальше, чем сеть магазинов детских товаров, он не смотрит, Юля стала подумывать о ком-то другом. Перспективнее, так сказать.

Ведь лифт – такая хитрая штука, что может ведь и вниз увезти. Тут главное – выйти на самом верхнем этаже, до которого он в состоянии доехать, и закрепиться на нем. А сам лифт можно теперь и вниз отправить. Да ещё и что-нибудь ненужное в него загрузить, чтобы жить не мешало. Так ведь?

Только это мы немного вперед забежали. Давайте всё-таки по порядку...

Ещё в роддоме выяснилось крайне неприятное обстоятельство. Максим совершенно не выносил мать.

Стоило Юле взять его на руки, как он начинал изо всех сил кричать. Брать грудь наотрез отказывался, хотя сцеженное молочко пил. Кормила его няня, причем только одна из всех, что была в роддоме. Старая, но очень добрая и спокойная. Только с ней малыш замолкал.

Серега долго упрашивал эту няню бросить работу в роддоме, пойти к ним, сидеть с Максимом. Няня вежливо отказалась, несмотря на огромную, в сравнении с её нынешней, зарплату. Бросать роддом она не хотела...

Найти кого-то другого оказалось невыносимо трудно. Малыш одинаково плохо реагировал практически на всех, кого присылало им агентство по трудоустройству. В общем, няню найти так и не удалось.

Единственным человеком, при появлении которого он замолкал, был сам Серега. Ему Максим позволял себя кормить, менять памперсы, укладывать себя спать.

Только у Сереги ведь была работа. Бизнес! Деловые встречи, контракты, кадровые вопросы. Нельзя ведь снова всё взять и бросить!

Позвали бабушку с дедушкой, Юлиных родителей. На них у внука была та же самая реакция. Серега и представить не мог, как громко может кричать новорожденный ребенок. Наташка, казалось, в сравнении с ним вообще молчала с рождения.

Разные доктора, которых вызывали к Максиму, ставили один и тот же диагноз – РДА. Ранний детский аутизм. Редко бывает, один раз на тысячу. Что ж, вам не повезло. Это не лечится, к сожалению... Можете сдать в дом малютки, если вам невмоготу.

"Как это – сдать? Кого сдать? Это же мой сын!" – крикнул Серега. Врач пожала плечами.

"Тогда учитесь жить с этим. Вот вам направление на дополнительное обследование!" – сказала она, уходя.

"Что же нам делать, Юля?" – в отчаянии спросил Серега.

"Что делать? Твой сын, ты с ним и сиди! – грубо ответил ангел. – Ты ведь не хочешь сдавать!"

"Но ведь у меня работа, люди, я не могу!"

"А знаешь, что? – её тон неожиданно сменился. Теперь это снова была та самая умная, веселая девочка, которая свела его с ума два года назад. – А дай, я попробую! Займусь твоими магазинами! Я ведь почти два курса закончила! В случае чего ты мне подскажешь. А ты пока с ним посиди!"

"А как же учеба?" – оторопел он.

"Переведусь на заочное, – невозмутимо сказала Юля. – Так многие делают. Ну, пожалуйста!"

Он ей никогда не отказывал. Ни в чем! Не отказал и сейчас...

И ведь она справилась! Быстро разобралась в огромной номенклатуре детских товаров, лично встретилась со всеми управляющими, их замами и даже старшими продавцами. Поначалу советовалась с Серегой, кого можно повысить, кого уволить, кого слегка наказать. Потом перестала.

Месяц учила итальянский, у Сереги был ключевой поставщик из Генуи. Очарованный новым директором, пожилой итальянец в ходе переговоров полностью согласился на её условия. У Сереги с ним этого никогда не получалось.

...Малыш рос как и положено. Прорезались зубки, тут Серега, наконец, понял, что это такое, и как тяжело приходилось Маше. Спать удавалось четыре-пять часов в день, не больше. Сил вообще ни на что не оставалось. Хорошо хоть теперь было всё – памперсы, всякое детское питание, игрушки...

Игрушки, правда, Максима совсем не интересовали. Когда Серега сказал об этом доктору, тот особо и не удивился. Аутизм, знаете ли. Они все такие. Вы ему машинку давали? Он колесико крутил? А, крутил! Значит, точно аутизм...

Серега прочитал в Интернете всё, что нашел про эту болезнь. Что такие дети сторонятся сверстников, не хотят или даже не могут говорить, не выносят громких звуков... Всё совпадало! Как и то странное наблюдение, что дети-аутисты очень красивы. Его мальчик был самым красивым на свете...

Он уже забыл, когда куда-нибудь ездил на машине. Зато каждый день он гулял с коляской. Всеми делами занималась Юля, и виделись они всё реже и реже. Она стала много ездить, говорила, что встречается с поставщиками. Незаметно пересела со своего белого Пыжика на его чёрный Q7. Говорили они с ней только о работе. И вот однажды она спросила:

"Слушай, а ты не можешь оформить всё на меня? А то сегодня хороший контракт чуть не сорвался, поляки тебя хотели видеть. Хорошо, Интернет не завис, ты им по Скайпу ответил... Это же формальность простая! Ну, куда я от вас денусь?"

Как будто вспомнилось из далекой молодости, как кто-то когда-то так же у него что-то просил, и потом обманул его... Нет, не помню! Да и потом это же Юля! Ангел, который всегда с ним! Я согласен!

Юля привела нотариуса, там дома всё и подписали. Он даже не вчитывался. Максим вот-вот проснется, времени нет. Юля же всё проверила!

И ничего ведь не изменилось! Ему даже легче стало. И Юля перестала его донимать расспросами, что делать. Совсем, похоже, втянулась! Ну и отлично! У него ведь была огромная радость – Максим пошёл! И почти сразу хорошо пошёл! Это и было самое главное!

О своей фирме он почти и не вспоминал. И был очень удивлен, когда увидел её название и логотип по телевизору в новостях.

...Даже не сказав ему, Юля продала всю компанию. Взамен она купила обанкротившуюся сеть алкогольных точек по всему городу. Если отбросить моральные соображения, каким в бизнесе места, в общем-то, нет, это был логичный, обоснованный поступок. Сеть продавал уже не хозяин, а кризисный управляющий, цена была вполне адекватная. При правильной поставке дела на прибыль можно было выйти уже в следующем году. В том, что Юля поставит дело правильно, он мог быть уверен.

...Только эти детские магазины были его детищем! Его мечтой, которую он, не жалея себя, воплощал столько лет! А Юля даже не поставила его в известность! Не сочла нужным...

Было очень больно! Как будто вырвали из твоей жизни самые лучшие годы и выбросили на свалку. И ладно бы ещё, если бы новый хозяин сохранил как-то его мечту, оставив прежний ассортимент. Нет, их купила крупная сеть продовольственных магазинов-дискаунтеров, которые и так были чуть не в каждом квартале. Мечта исчезла. Как и не было ее...

У них с Юлей был долгий, очень неприятный разговор. А кончился он совсем плохо...

Юля подала на развод. Домой она теперь вообще не приходила, Сергей имел дело только с её адвокатами. При разделе имущества ему предложили два варианта: всё пополам, но ребенок остается с матерью или пожизненная рента пятьдесят тысяч в месяц на них с Максимом плюс квартира. От прав на ребенка она во втором случае отказывалась.

Сергей выбрал второй. Расстаться с сыном он уже не мог. Хорошо хоть она их совсем не выгнала...

Свидетельство о разводе привез какой-то парень на том самом белом Пыжике. Эта машина по Договору тоже оставалась у Юли, но она любезно подарила её Сереге. Он даже обрадовался...

Квартиру с видом на стадион, кстати, Серега скоро продал. Было слишком тяжело жить там, где тебя предали.

Вот так он и вернулся к себе домой. На Пушкинскую. Только мамы там уже не было.

Зато был Максим. Значит, было для чего жить...

Часть вторая. Отец и сын. Встречи.

Глава первая. Дедушка.

А вот кто, по-вашему, самый известный в мире военный? Не считая полководцев, конечно. То есть из тех, кто на самом деле воевал с оружием в руках.

Василий Теркин, ответите вы. Ну, это понятно. Вы же из России!

Солдат Швейк... Понятно, вы тоже из России. Только читали немного другие книги. Не только школьную хрестоматию.

Больше никого не припоминаете?

Хорошо, надо уточнить вопрос. Речь ведь не только про солдат, но ещё и про офицеров младшего звена, до майора включительно. Только давайте не будем вспоминать поручика Ржевского. Про него тоже знают только русские.

Что? Капитан Америка? Ну, это уже перебор...

Хорошо, хватит вам напрягаться.

Самый известный в мире офицер – это капитан Эдвард Мёрфи. Автор знаменитого закона Мёрфи, который в оригинале звучит так:

"Всё, что может пойти не так, пойдет не так!"

Да, Мёрфи придумал только один этот закон. Все прочие законы, похожие на него, а также многочисленные следствия, сформулировали уже другие люди. Их имена, конечно, остались в истории, но как-то неотчетливо. Сбоку, что ли. Всё, что они придумали, во всём мире знают, как законы Мёрфи.

Вот, например, такой закон Мёрфи (а на самом деле первое следствие второго закона Чизхолма):

"Когда дела идут хуже некуда, в самом ближайшем будущем они пойдут ещё хуже".

Вы с этим согласны? А, у вас как раз так и было? Конечно же! Это же всё-таки закон!

Только не бывает законов без исключений...

Казалось бы, в жизни Сереги Плахина всё пошло хуже некуда. Только ему почему-то стало легче.

Ну, во-первых, Максим в бабушкиной квартире стал гораздо спокойнее. Истерик дома почти не было. Он реже просыпался по ночам, не отказывался от еды, которую готовил ему отец.

И взгляд его стал каким-то осмысленным.

Аутисты, даже совсем маленькие, могут сидеть и подолгу смотреть в одну точку. Причем почти неподвижно. Если ребенка в это время чем-то побеспокоят, истерика неизбежна...

Так было и с Максимом. Но только в той, просторной красивой квартире с видом на почти уже построенный стадион. А здесь, в старой, но очень уютной двушке с видом на памятник Пушкину, мальчик изменился. Мог, конечно, заплакать надолго. Но именно что заплакать, а не закричать изо всех сил.

Причины этого удивительного изменения для Сереги были непонятны. Да он, сказать честно, особо над этим и не задумывался. Просто радовался тому, что Максиму стало полегче.

Конечно, гулять с таким ребенком в центре города, прямо скажем, негде. Из зелени рядом – только маленький сквер с Пушкиным, да ещё сквер перед вокзалом. Но и там, и там всегда полно людей. А людей Максим по-прежнему не переносил...

Сереге было очень неудобно перед прохожими. Вот, остановится пожилая женщина, скажет что-то вроде: "Какой хороший мальчик!", а Максим начинает кричать, зажмуривается, отворачивается! Женщина пугается, бурчит что-то, уходит. Бывало, ругались... Раньше

Сергея, конечно, не стерпел бы такого. А сейчас извинится, да и пойдет с Максимом куда-нибудь в сторону. Где людей нет...

Особенно они Таврический сад любили. Там и припарковаться было проще, со стороны музея Суворова. И места много, можно постоять так, чтобы тебя не беспокоили. Деревья, вода, зелень, ребенок спит в колясочке... Что ещё нужно для счастья?

Там вот, в Таврическом, они встретились с дедушкой. Юлиным отцом, тем самым худощавым очкариком. Семеном Дмитриевичем...

Не случайно, конечно. Тот позвонил Сергею, попросил встретиться, на внука взглянуть хоть глазком. Сергей отказал, Максим деда не переносил, как и всех прочих. После долгих уговоров решили всё же поговорить, но только когда мальчик уснёт; тогда Сергей позвонит деду, тот будет ждать где-нибудь неподалеку, подойдет к ним.

Говорили шепотом, чтобы ненароком не разбудить Максима.

– Виноват я перед тобой, Сергей, ой как виноват, – сказал Семен. – Промолчал потому что...

– Тише, тише, – Сергей покачал коляску. – Да в чем же ты виноват?

Они давно уже перешли на ты. Всё-таки тесть был его на три года младше...

– Видишь какое дело... Я ведь знал, что она тебя не любит.

– Да откуда же ты мог знать? Мы ведь только три дня с ней знакомы были! Никому ничего не говорили, сразу к вам пришли!

– Эх... Хороший ты человек, Сергей! Жаль мне тебя... Ты послушай, как всё тогда было... В тот день, когда у неё выпускной был, она ведь нам запретила в школу приходить. Говорит, не позорьте меня!

– То есть как? Родителям такое сказать?

– Вот так и сказала! Мы ей вообще старались не перечить... Знаешь, мы ведь её сперва как-то пытались воспитывать, а потом сдались. Не знаю, чем она мать припугнула, так и не решился жену спросить. Теперь уже и не спрошу...

Юлиной мамы не стало два года назад, через три месяца после рождения Максима. У неё был диабет, очередного обострения она не пережила. Сергею тогда было не до чего, как говорится, похоронами и всем прочим занималась Юля. Какой-то особой скорби на её лице Сергей не заметил. Впрочем, он и не глядывался...

– У меня-то была... – Семен Дмитриевич снял очки, протер стекла. – Женщина была, в общем. – Он вздохнул, надевая очки. – Встречались... Юля как-то узнала, уж и не знаю, как именно. Сказала мне – воспитывать меня больше не надо. За собой следи! Или все узнают...

– И что, ты это мне тогда хотел рассказать? – брезгливо спросил Сергей.

– Нет, что ты... В общем, ты когда её с выпускного привез, она мне вот что выдала:

"Я, похоже, богатого папика подцепила! Старого, правда, старше тебя, но ещё крепкого! И я его не отпущу, понял? Придет свататься ко мне, не дай бог, соскочит! В окно выброшусь, понял?"

– Так что же, – с ужасом спросил Сергей, – меня, как рыбу поймали?

– Выходит, что так, – грустно согласился Семен. – Я тебе пытался тогда сказать, но ты же не слушал ничего...

– Да, поймали, выпотрошили и съели... – Сергей покачал головой. – Вот и вся любовь...

– Ты простишь меня? – спросил дед.

– Тебя? – грустно усмехнулся Сергей. – А в чем ты виноват? Что дочь плохо воспитал? Или что женщину завел? Так это ж не передо мной вина. А я... Я и её простил, понял? Вот за него! – он показал на мальчика, который всё так же спал в коляске. – Потому что есть теперь у меня для чего жить!

– Спасибо! – дед заплакал. – Спасибо, Сережа! Ты держись только!

Он ещё что-то хотел сказать, но Максим зашевелился. Дед встал так, чтобы мальчик его не увидел, если проснется.

– Спит ещё, – с улыбкой сказал Сергей. – Устал, долго ехали. Пробка была...

– Я вот ещё хотел что, – прошептал Семен, протягивая Сергею яркий пакет. – Я ему тут краски купил, карандаши, бумагу. Юля, когда маленькая была, больше всего рисовать любила. Замки, принцесс, лошадей... Может и Максим у тебя рисовать начнет?

– Рисовать... Не знаю. Может, и будет. Ему сейчас полегче стало. Спасибо!

На том и расстались.

Глава вторая. Доктор.

Рисовать Максиму понравилось. Краски только разливал без конца. Так что пока ограничились карандашами.

У Сергея хоть свободное время появилось. Небольшое, по полчаса в день. Пока сын рисовал, можно было от него отвлечься.

Рисунки, конечно, странные у него получались. Вот смотрит он, казалось бы, в окно, там солнышко, облака, небо голубое. А рисует только чёрным и серым. Вот так – на сером небе чёрные облака. Только Солнце у него яркое – то синее, то зеленое, то красное.

Впрочем, каким же цветом можно нарисовать зимнее питерское небо? Только серым и чёрным. Но Солнце-то должно быть желтым!

Вот он и озадачился – может, ребенок ещё и цвета не различает? Вызвал доктора на дом.

Максим на доктора как обычно отреагировал – раскричался, расплакался. А когда доктор стала ему в глаз заглядывать, вырвался и убежал. Спрятался под кровать...

– Я сейчас, – крикнул Сергей, – я достану!

– Да не надо уже, – с досадой сказала врач. – Не выйдет с таким ничего. Вы бы ему педагога нашли, что ли. Как он у вас жить будет, если он от врача бежит?

– Ну, я думал, может, попозже, – смутился Сергей.

– Да куда вам ждать-то, – покачала головой та. – Три с половиной ребенку, а он ни слова не говорит! Логопед вам нужен! Знаете, нам тут студентов прислали в поликлинику, на практику. Так что для вас это даже бесплатно будет. И девочка пусть посмотрит, чем ей потом заниматься придется. Может, передумает ещё...

Последнюю фразу она сказала уже в дверях. Серега её не расслышал. Может, и к лучшему.

...Девочка-практикантка пришла через день. Собственно, её трудно было назвать девочкой, хотя, как потом выяснилось, ей на самом деле было всего двадцать лет. Полная, если не сказать толстая, невысокая, с причёской-хвостом. Никакой косметики, даже помады. Такие с юности уже кажутся тетками. Не повезло девчонке...

С замиранием сердца Сергей смотрел на сына, ожидая привычной реакции на незнакомого человека. Но Максим молчал, пристально глядя на неё.

– Гаврилюк, Оксана, – сказала она тихо. – Петровна. Детский психолог-логопед... Практикант...

– Только прошу вас, не кричите на него, – тихо сказал отец. – А то он расплачется...

Девчонка растерялась. Но случилось удивительное!

Максим сам к ней подошел, взял за руку и повел в свою комнату. Оксана послушно пошла следом.

Войдя к себе, Максим отпустил ее. Она так и осталась в дверях. В учебниках, наверное, не писали, что надо делать в таком случае.

Максим сел за свой столик, на котором Сергей уже приготовил для него бумагу с карандашами. И начал рисовать...

Сергей потом много раз смотрел на этот рисунок. Ярко-желтое пятно на сером фоне. Первый раз, когда Максим рисовал желтым...

Вообще, это был поразительный день. Максим не кричал, не плакал, не убегал, как бывало до этого. Сидел и рисовал, пока Оксана пыталась рассказать ему сказку про трех медведей, раскладывала игрушки, включала на телефоне тихую музыку.

Играть в игрушки Максиму было неинтересно. На музыку он вообще не обратил внимания. Всё то время, пока девушка была у них, он рисовал. Причем при этом постоянно смотрел даже не на бумагу, а на неё. Словно художник, который пишет с натуры.

Закончив рисунок, он отложил его в сторону. И нарисовал точно такой же. Желтое пятно на сером фоне.

Его Оксана забрала с собой. Максим сам отдал его ей.

– Я, конечно, ещё не доктор, – смущенно сказала она на прощание Сергею. – Но это не аутизм! Они так себя никогда не ведут. Они могут сложить игрушки в линию или башенку. Не могут ни на чем сосредоточиться. Да, и ходят они совсем плохо! И свои рисунки первому встречному не дарят. Вам надо доктора получше...

Тот весенний денек 2015 года Сергей запомнил навсегда. Максим как-то сразу очень изменился. Можно сказать, вылечился. Не совсем полностью, конечно, но...

Он уже не кричал, не бился в истерике, когда с ним пытались говорить незнакомые люди. Только закрывал руками глаза. Наконец обратил внимание на книжки, которые прежде с негодованием сбрасывал со стола. И даже стал играть со сверстником!

Правда, только с одним. Мальчика звали Даня, его приводила в Таврический сад бабушка. Она была совсем ненамного старше Сергея, поэтому считала, что Максим – его внук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.